

ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1963
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НАЗЫВАЮТ ЕГО «СК»

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Называют его очень коротко — «СК». Это гигант большой химии — завод синтетического каучука. «СК» — ударная стройка семилетки, гордость сибиряков.

Построена первая очередь. Около семидесяти действующих цехов и объектов расположились на сотнях гектаров.

Строители — в основном молодежь, приехавшая сюда по путевкам комсомола. Они стали здесь заправскими монтажниками и каменщиками, плотниками и бетонщиками — словом, мастерами на все руки.

Настоящий наставник молодежи, ветеран стройки Иван Иванович Герман. Он учил их ремеслу, передавал им свой богатый опыт, воспитывал.

С гордостью произносит Иван Иванович имена своих питомцев. Учился у него Фагир Нигаматуллин. Приехал из Башкирии по комсомольской путевке безусым пареньком, освоил почти все строительные специальности, окончил заочный Всесоюзный строительный техникум, по примеру Валентины Гагановой вывел в передовые уже четыре бригады, в каждой работал по году.

...Мощные реакторы, колонны этажерки монтировались на земле и ставились на место крупными блоками, за счет этого экономились силы и средства, сокращались сроки строительства. Самая лучшая бригада монтажников — Игоря Новикова.

Громкая слава идет на стройке об Ане Моисеевой. Эта девушка из-под Алма-Аты работает так, что любому не грех поучиться. Сначала подсобница, долбила кирпичи, подносила материалы и училась, получала квалификацию изолировщицы. Специальность эта нужная. На заводе всюду, куда ни посмотришь, трубы и трубы. Они под землей, на земле, в воздухе опутывают цеха сложной паутиной, и изолировщики одевают все их в теплый наряд, накладывают и крепят на них шлаковату, стеклопластики. Сейчас Аня руководит бригадой, учит мастерству своих подруг.

Все работы в цехе «Д-7» Леонид Лапуха и его друзья сделали только на «хорошо» и «отлично». Леонид — бригадир, член парткома первого строительно-монтажного треста, депутат районного Совета депутатов трудящихся, заместитель председателя постройкома. Кажется, были бы еще выборные должности, его бы обязательно избрали — так любят молодого строителя!

Почетом и уважением окружают тех, кто отличился в работе. Самым лучшим — Леониду Лапухе, Игорю Новикову, Ане Моисеевой, Ивану Герману, Василию Константинову, Фагиру Нигаматуллину, Владимиру Каптурову — присвоено звание: гвардеец стройки большой химии.

И. ЛУКИН

Завершено строительство первой очереди гиганта сибирской химии — Омского завода синтетического каучука. ▶

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 51 (1904)
15 ДЕКАБРЯ 1963
41-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ГВАРДЕЙЦЫ СТРОЙКИ —

Иван Герман,

Аня Моисеева,

Игорь Новиков,

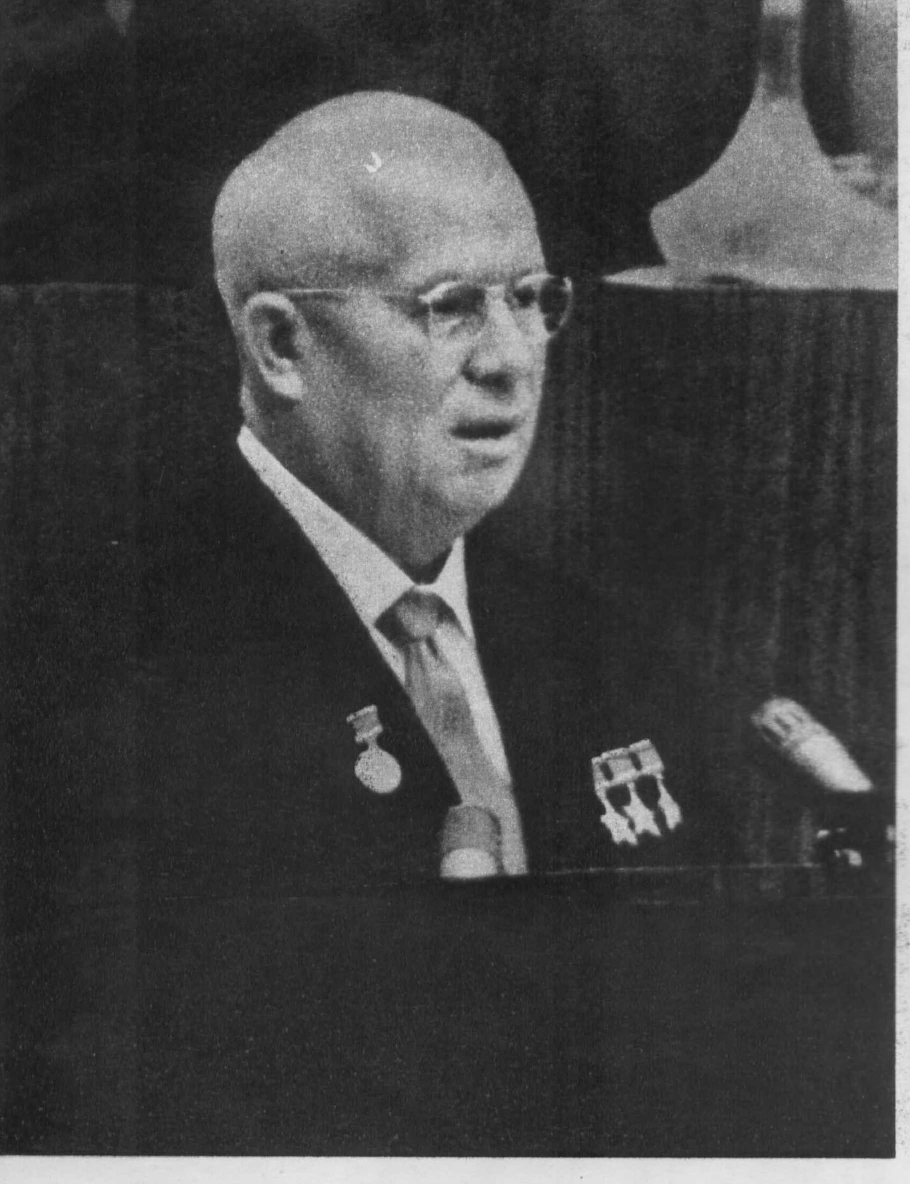

Владимир Каптуров,

Леонид Лапуха,

Фагир Нигаматуллин,

Василий Константинов.

Никита Сергеевич Хрущев выступает с докладом на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1963 года.

9 декабря 1963 года в Кремлевском Дворце съездов открылся Пленум Центрального Комитета КПСС.

На повестке дня Пленума вопрос: «Ускоренное развитие химической промышленности — важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа».

С докладом по этому вопросу выступил Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

Около шести тысяч человек принимают участие в работе Пленума — партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные, научные работники, новаторы производства, промышленности и сельского хозяйства из республик, краев, областей.

Широко шагает большая химия по нашей земле — от Волги до Енисея, от Хибин до пустыни Кызыл-Кум. Необыкновенно щедра она.

Большое внимание уделяется в нашей стране развитию химической промышленности после майского (1958 год) Пленума ЦК КПСС. И очень многого уже достигли советские люди. Только за пять лет вступило в строй 35 заводов и более 250 крупных химических производств. Во всех союзных республиках выросли большие центры химической промышленности.

Вся страна готовила трудовые подарки Пленуму Центрального Комитета КПСС. Ко дню открытия Пленума в адрес ЦК КПСС и Совета Министров СССР пришли новые рапорты о замечательных победах, одержанных на предприятиях и стройках большой химии. Вот они, эти свершения: сооружена и успешно введена в действие первая очередь Омского завода синтетического каучука, вступили в строй новые мощности по производству миллиона тонн минеральных удобрений в год на Березниковском калийном комбинате, вступило в строй действующих крупное производство апатитового концентрата на комбинате «Апатит» в Мурманской области...

Но то, что уже сделано,— лишь начало стремительного подъема нашей химической индустрии.

Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев наметил в своем докладе на Пленуме грандиозные масштабы и перспективы развития большой химии.

Общая сумма капитальных вложений в развитие химической промышленности и комплексную химизацию сельского хозяйства составит свыше 42 миллиардов рублей.

За ближайшие семь лет нужно построить примерно 200 новых и реконструировать свыше 500 действующих предприятий.

Такие важнейшие задачи ставит наша партия и правительство перед всем советским народом.

Пусть же быстрее входит в наш дом химия — чудесный строитель и преобразователь природы!

...ПЛЮС ХИМИЗАЦИЯ Н

«Намечаемые масштабы развития химической промышленности являются беспрецедентными в мировой практике. Но мы, коммунисты, советские люди — люди дела, глубоко уверены в том, что, если сконцентрируем свои усилия, волю, энергию на решении задач, которые обсуждаем сегодня на Пленуме, то они будут решены столь же успешно, как партия и народ решали другие, не менее важные задачи».

Н. С. ХРУЩЕВ. Из доклада на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1963 года.

Академики Н. Н. Семенов и М. В. Келдыш.

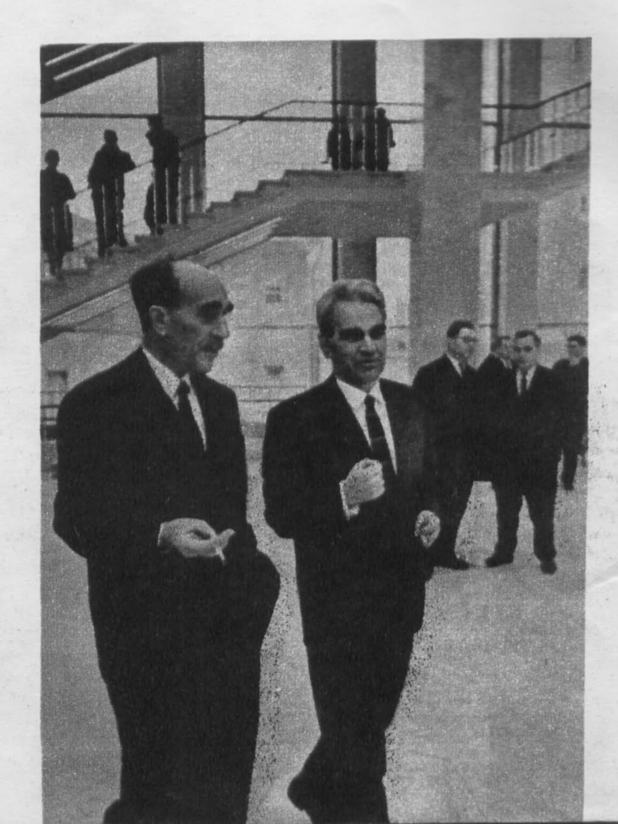

Фото Дм. Бальтерманца, А. Ляпина и А. Устинова.

В зале заседаний.

АРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА!

Звеньевые — дважды Герой Социалистического Труда О. К. Диптан из колхоза имени Ильича, Киевской области, и И. С. Щербакова из колхоза «Россия», Воронежской области.

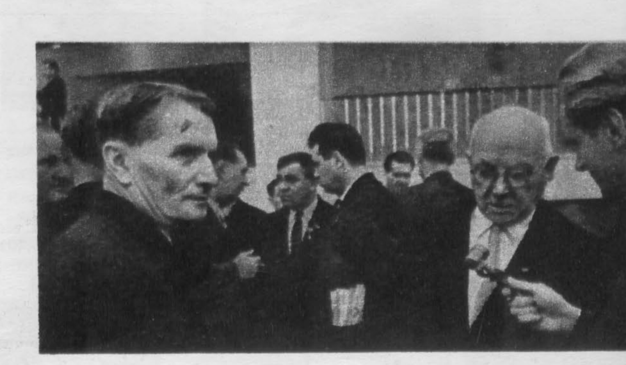
Секретарь парторганизации Гаурдакского серного комбината Ташбай Каримов, аппаратчица Волго-Донского химического комбината Т. С. Цуканова, старший аппаратчик Сумгаитского суперфосфатного завода Табят Джафаров, автоклавщик Роздольского горно-химического комбината И. С. Коваль.

Заместитель председателя Госплана СССР Н. А. Тихонов и министр строительства Украинской ССР Г. К. Лубенец.

Академик Т. Д. Лысенко и президент Академии наук Эстонской ССР И. Г. Эйхфельд.

Министр сельского хозяйства Украины М. С. Спивак, действительный член Академии наук БССР М. Е. Мацепуро, директор Украинского института животноводства И. А. Даниленко, Герой Социалистического труда Т. С. Мальцев.

Герой Социалистического Труда, механизатор-свекловод В. А. Светличный, заместитель председателя «Союзсельхозтехники» П. М. Кожевников, ректор Куйбышевского сельскохозяйственного института В. П. Сотников и Герой Социалистического Труда, механизатор кукурузовод В. Я. Первицкий.

Академик И. Л. Кнунянц и действительный член Академии наук УССР А. В. Кирсанов.

У книжного киоска.

Из Дворца съездов участники Пленума могут тут же связаться по телефону со своим городом, предприятием, колхозом.

В перерыве...

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

«ОСНОВА ОСНОВ» — ТАК НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ ОПРЕДЕЛИЛ ЗНАЧЕНИЕ МИНЕРАЛЬНЫХ УДОБРЕНИЙ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПОДЪЕМА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. ГЛУБОКОЕ И ТОЧНО ВЫРАЖЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: ВОТ УЖ ДОПОДЛИННО—ОСНОВА ОСНОВ!

ОСНОВА ОСНОВ

«Когда-то академик Д. Н. Прянишников называл урожайность производной от удобрений. И он был прав».

В этих словах доклада на декабрьском Пленуме ЦК КПСС, многосторонность которого не исчерпать десятками очерков, воскресла и приобрела знаменательное продолжение яркая и славная страница отечественного естествознания. Страница науки о жизни, судьбы которой столь тесно сплетены с наиболее жгучими повседневными потребностями и нуждами каждого из нас.

Век минувший дал нам «трех китов», на которых зиждется питание растений: азотные, фосфорные и калийные удобрения. Не просто и не легко утверждалось учение о минеральном питании растений. История его развития исполнена драматизма, подчас озаряемого легкой улыбкой. С такой доброй усмешкой рассказывал, например, Климент Аркадьевич Тимирязев об одном обывателе, который немало докучал ему. На нижегородской выставке 1896 года был сооружен так называемый вегетационный домик — стеклянный дворец света, в котором растения находились не в почве, а в воде, в растворах минеральных веществ.

Каждый день в вегетационном домике появлялся скептик. Он придирчиво рассматривал живые экспонаты, надеясь разоблачить «фокус», хитрую уловку ученых. Не могут же, в самом деле, растения без земли благоденствовать в стеклянных банках! Но обитатели вегетационного домика вели себя как ни в чем не бывало. Они зеленели, кустились, плодоносили.

Осталось неведомым: развеял ли тимирязевский опыт упорную подозрительность нижегородского жителя?

Что же касается его «единоневерцев», то как это ни удивительно, в век атома и кибернетических машин до самых недавних дней они обнаруживались в достатке и даже в избытке. Виной тому особый вид невежества. В данном случае оно проистекает не от примитивной «неучености». Знания сами по себе — дело наживное. Сегодня не знаешь, завтра добрые люди надоумят. Но наиболее опасная разновидность невежества находит свою зыбкую опору в недоверии к самой силе разума, научного эксперимента. Спор между точной экспериментальной наукой и примитивной наблюдательной биологией идет и в наши дни. Крушение бездоказательных, надуманных доктрин Вильямса — один из закономерных этапов.

Точное знание победоносно внедряется в биологию. В дополнение к «трем китам» пришли новые виды удобрений: магниевые, борные, марганцевые, кобальтовые и другие. Проясняется биологическая роль многих малоизвестных до недавних дней обитателей Периодической системы Менделеева.

Первым научным институтом, созданным молодой Советской властью, был Институт удобрений. С самого начала он был задуман как научное учреждение нового, небывалого типа, призванное комплексно решать поставленную перед ним задачу. Промышленный институт, числившийся по ведомству Высшего Совета Народного Хозяйства, должен был не только изучать отечественные месторождения агрохимических руд, разрабатывать способы превращения их в удобрения, но также исследовать действие различных видов минерального корма растений, находить его лучшие варианты и сочетания. Все три основателя института — Я. Самойлов, Э. Брицке и Д. Прянишников — представляли геологию, химическую технологию и физиологию растений, объединившихся в единый творческий союз.

Именно в этом союзе, на основе подлинно социалистической «дружбы наук» было досконально изучено действие различных удобрений, был создан тот научный фундамент, на котором теперь будет привольно расти здание практической агрохимии. Ведь ей в кратчайший срок предстоит стать наукой миллионов!

«Большая стратегия»

В 1980 году советская химическая промышленность будет давать удобрений больше, чем сегодня их производят все страны мира. Это означает коренное вмешательство в естественный круговорот веществ в природе.

Сейчас в стране вырабатывается «большая стратегия» применения удобрений. Где, в каких местах наиболее целесообразно применять удобрения, которыми мы располагаем уже сейчас? Единственно правильный ответ: там, где применение удобрений даст наибольший эффект. В эти районы нужно направить главную массу удобрений. Так мы получим больше зерна и продуктов. Получим наверняка и быстрее! Концентрированное использование удобрений в наиболее благоприятных районах — дело огромной государственной важности.

Но правильная «стратегия», опирающаяся на хорошо поставленную научную разведку, должна применяться не только в масштабах всей страны, но и в пределах каждого отдельного совхоза, колхоза, бригады.

Сейчас, когда мы переходим в новый, высший класс ведения сельского хозяйства, требуется агроном, имеющий склонность к исследованию, к научной работе. Нужен специалист, умеющий всерьез заняться химической, а следовательно, и экономической оценкой земель, на которых работает. Иначе невозможно создать условия для дальнейшего подъема сельского хозяйства.

У нас в стране миллионы гектаров пашни, и о каждом из них, о к а ж д о м (так стоит сегодня вопрос) мы должны знать все, словно о живом организме. Как он себя чувствует, в чем нуждается, чем его накормить. А если нужно, чем подлечить. Почву можно лечить! Это лечение носит название химической мелиорации.

Как узнать, что требуется данному, вполне определенному полю? Нужно ли вносить суперфосфат и калий? Или освободиться от избыточной кислотности? На любой из этих вопросов ответит химический анализ почвы. Требуются лишь элементарные химические знания, простые реактивы и несложное оснащение. Но земля до конца раскрывает секреты своего плодородия только тогда, когда карта географическая превращается в карту агрохимическую. «Производственные управления должны изучить почвенные карты, метеорологические условия, знать количество осадков и реагирование зерновых, особенно пшеницы и некоторых других культур, на минеральные удобрения»,— говорил Н. С. Хрущев. Вот тут-то и пригодятся в полную меру драгоценные знания, заключенные в трудах Д. Н. Прянишникова и его учеников. Они предостерегают агронома от шаблона, делают эту чудесную, беспокойную профессию еще более творческой и вместе с тем, как и всякое подлинное знание, избавляют труженика полей от власти случайностей. Он может быть всегда уверен, что каждый грамм удобрений принесет тот эффект, на который мы вправе рассчитывать.

Анализ почвы, разумеется, не единственный способ судить о том, что происходит в поле. Агроном призван непрерывно следить за жизнью растений. Для каждой сельскохозяйственной культуры существует свой, наиболее целесообразный режим подкормок. Установить его — значит наилучшим образом использовать имеющиеся удобрения.

Как тут не вспомнить вещие слова Дмитрия Николаевича Прянишникова о роли агронома, хорошо понимающего значение химизации земледелия, способного смело глядеть вперед, в завтрашний день!

О некоторых предрассудках

Нужно прямо сказать: с подготовкой агрохимиков дела у нас пока обстоят плохо. Немалые усилия сторонников экстенсивных форм земледелия привели к тому, что до настоящего времени, скажем, на огромной территории Российской Федерации существовали только два сельскохозяйственных вуза со специальными факультетами.

Они выпускали ежегодно около ста специалистов.

Не менее важно повысить уровень агрохимических знаний у всех агрономов, у всех тех, кто так или иначе будет практически участвовать в подъеме сельского хозяйства на новой научной основе.

И этот вопрос в докладе Н. С. Хрущева на декабрьском Пленуме нашел исчерпывающее освещение. Неминуема перестройка работы учебных заведений. «Следует прежде всего пересмотреть учебные программы,— отметил Н. С. Хрущев.— Они, как известно, построены на основе травопольной системы земледелия, а нам нужны сейчас принципиальные новые программы. Видимо, в основу программ следует положить работы академика Д. Н. Прянишникова, который создал школу агрохимии».

Существуют предрассудки, связанные с тем, что «антихимизаторы» долгое время отрицали значение для сельскохозяйственной науки достижений не только агрохимии, но и других смежных с ней областей естествознания и, в частности, биогеохимии. В этом искусственном обеднении сельскохозяйственной науки, в этой ее «самоизоляции» от передовых направлений научной мысли надо искать объяснение укоренившимся в сознании многих практиков близоруким взглядам на микроудобрения как на своеобразное химическое «баловство». На самом деле эта ничтожно малая по удельному весу добавка к основным удобрениям физиологически исключительно ценна для растений. Учение о микроэлементах восходит к основополагающим работам академика В. И. Вернадского, развитым его учениками. Они открыли существование так называемых «биогеохимических провинций», то есть отчетливо выраженных областей, где в силу особых природных условий ощущается избыток или недостаток совершенно определенных химических элементов. Например, в промытых морем песках Латвии не хватает кобальта; в землях, отнятых у болот, — меди и т. д. и т. п. Химическое исправление неудачно сложившихся почвенных условий — это не прихоть, не каприз, а важнейшая и необходимейшая мера, направленная к той же цели: получению устойчиво и гарантированно высоких урожаев.

Единый фронт наук

Вокруг генеральной проблемы всесторонней интенсификации сельского хозяйства, на безотлагательное решение которой нацеливает нас партия, сосредоточиваются дружные усилия многих наук.

Химики совершенствуют способы приготовления удобрений. В теснейшем содружестве с ними трудятся физиологи растений и биохимики.

Совместно с химиками биологи встают на защиту урожая. Они испытывают средства химической защиты растений. У насекомых, особенно у микробов и вирусов, образуется невосприимчивость ко многим привычным ядохимикатам. Нужны постоянные поиски все новых и новых средств воздействия на вредителей и болезни растений.

На арену выходят могучие стимуляторы роста, которые целиком родились в недрах новейшей физиологии. Химии предстоит перехватить эстафету открытий в этой области и довести их до практической реализации.

А за всем этим стоят величественные проблемы переделки самой природы растений и животных, дальнейшее приспособление ее к условиям индустриального сельскохозяйственного производства.

Наука о жизни, о живом переживает период радостного обновления. Широки ее горизонты и путь светел.

ЮБИЛЕЙ НАШЕЙ ДРУЖБЫ

10 декабря в Кремле партийно-правительственная делегация Чехословакии, прибывшая в нашу страну в связи с двадцатилетием Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и ЧССР, нанесла визит Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву.

Фото Дм. Бальтерманца.

10 ДЕКАБРЯ ИЗ МОСКВЫ в Чехословакию отбыла партийно-правительственная делегация Советского Союза во главе с членом Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым. Посланцы Советского Союза примут участие в праздновании 20-й годовщины Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией.

Злата Прага сердечно встретила дорогих гостей. Советская партийно-правительственная делегация нанесла визит первому секретарю ЦК КПЧ, президенту ЧССР А. Новотному.

На снимке: проводы на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

СУВЕНИР ПРЕЗИДЕНТУ

Громом оваций приветствовали тысячи индонезийцев, собравшихся на митинг во Дворце спорта в Джакарте, советских героев космоса Валентину Николаеву-Терешкову, Андрияна Николаева и Валерия Быковского. Со словами дружбы и искреннего восхищения к космонавтам обратился президент Индонезии Сукарно. «Чайка» подарила президенту памятный значок.

Михаил Шолохов у студентов Литературного института.

Фото Н. Чиркова.

КОЛЫБЕЛЬ ТАЛАНТОВ

Тверской бульвар, 25... Это адрес писательской юности, адрес Литературного института имени Алексея Максимовича Горького. Отсюда вышли десятки известных прозаиков, поэтов, драматургов, критиков из многих республик и краев нашей страны. Поэт Геворк Эмин пишет о своем родном институте: «С сожалением выходя из его дверей, всю жизнь оглядываешься на них и никогда не забываешь адреса своей юности: Тверской бульвар, 25...»

Много интересных встреч помнит Литературный институт. В старинном особняке бывали А. М. Горький и Алексей Толстой, А. Серафимович и А. Фадеев, Л. Сейфуллина, М. Шолохов и Л. Леонов...

В этом году Литературному институту исполнилось тридцать лет. 7 декабря в Центральном Доме литераторов состоялся юбилейный вечер, на который собрались выпускники института старших и младших поколений. С докладом выступил ректор И. Серегин.

УЛИЦА КЕНИАТЫ

Имя Джомо Кениаты — выдающегося борца за независимость Африки, против колониализма — хорошо известно во всем мире. В те годы, когда кенийцы вели героическую борьбу за свободу, Кениата был душой и сердцем народа. Колонизаторы, пытаясь сломить освободительное движение, арестовали Кениату, бросили его в заточение. Но и за тюремной решеткой Кениата продолжал быть борцом, вдохновлять своих товарищей по борьбе. И настал день, когда патриоты Кении, возглавляемые Кениатой, твердо заявили колонизаторам: «Мы хозяева своей страны». Сейчас Кениата возглавляет правительство Кении.

Накануне праздника независимости именем своего вождя патриоты Кении назвали одну из главных улиц Найроби — столицы страны.

АМЕРИКАНСКАЯ ГРАФИКА

В Москве, в одном из павильонов ВДНХ, открыта выставка «Американская графика». А в Соединенных Штатах показывают свои работы мастера советской графики. Их выставку уже посмотрели жители Нью-Йорка и Филадельфии.

Посол США в СССР г-н Ф. Колер и заместитель министра культуры СССР А. Н. Кузнецов на открытии выставки «Американская графика».

Фото Б. Кудоярова и В. Шапошникова.

ДЛЯ ЛЮДЕЙ
ИЛИ ДЛЯ «ГАЛОЧКИ»?

А. ГРИГОРЬЕВ

Как ни странно, но репортаж о прокатных пунктах приходится начинать с... аптеки. Аптека и прокат? Да, представьте себе, что это сугубо медицинское учреждение может иметь прямую связь с организацией прокатного дела. Убедился я в этом в уральском городе Нижнем Тагиле, когда заболел мой сосед по гостиничному номеру. Врач прописал ему постельный режим, лекарства и посоветовал несколько сеансов соллюкса.

— Но ведь вы сами сказали — постельный режим, ходить на процедуры не смогу! — удивился больной.

— Да и не придется,— ответил врач.

В городской аптеке я прочитал объявление. Оказалось, что тут действительно могут выдать во временное пользование не только портативный соллюкс, но и костыли или трость, если человек вывихнул ногу, а если заболело горло, то можно позаимствовать на несколько дней ингалятор. Выдают тут напрокат и медицинские банки, и рефлекторные лампы.

Прокат медицинских приборов экономит многим людям не только средства, но и время.

В Перми я узнал еще об одном новом методе проката. Имеется в этом городе на улице Карла Маркса ателье № 1. И есть в нем отдел под названием «Шейте сами». Но он совсем не похож на подобные отделы при магазинах и мастерских. В просторной, светлой комнате — ряд швейных машин. Посредине — стол раскроя. У стола — опытный закройщик Антонина Викторовна Худякова. Антонина Викторовна помогает выбрать фасон, раскроить материал, а шьют под ее наблюдением сами заказчицы. Это, так сказать, «прокат на месте». И он оказался весьма удобным. Удобно, что не надо таскаться с машиной иногда за тридевять земель, а главное, всегда под рукой квалифицированный консультант, который и покажет и посоветует. К тому же и шитье обходится раза в четыре дешевле.

Факты как будто на первый взгляд заурядные, но они показывают, какие дополнительные удобства можно создать людям, если работать с душой.

Дважды в «Огоньке» рассказывалось о работе прокатных пунктов.

На выступление журнала откликнулись тогда многие организации: и существовавший в ту пору Роспромсовет, и Министерство торговли, и некоторые исполкомы... Что же изменилось с того времени?

Сеть пунктов проката расширилась. Теперь только в одной Свердловской области их свыше трехсот. И все же таких пунктов пока еще мало, а в самой организации этого дела много неразберихи.

Я побывал у начальника горбытпрома Б. Н. Сысоева.

— Ателье проката? — удивился Борис Николаевич.— Это не наш профиль. Есть небольшие прокатные пункты при магазинах, но они в ведении «торгов».

Что ж, оставим Сысоева, призванного заботиться о быте свердловчан, при его особом мнении...

В городском управлении торговли, в свою очередь, посетовали на то, что им приходится заниматься не своим делом — очевидно, это тоже «особое мнение»...

Уже более четырех лет существует отдел проката при свердловском магазине № 32. Когда-то он пользовался популярностью, а теперь... На полках — скудный ассортимент: несколько швейных машин, пылесос, утюги, посуда. Стиральную машину здесь списали три месяца назад, а новых не дают. Пожилая женщина просит на два дня столовый сервиз. Но, услышав цену, быстро покидает магазин. И уже не пришлось удивляться, когда я узнал, что в иные дни здесь нет ни одного клиента, а весь месячный доход отдела едва достигает... двадцати рублей.

Недавно в Свердловске, на улице 8-го марта, открылся специальный магазин проката бытовых товаров. Выбор здесь, конечно, побогаче и посетителей немало. Но и здесь услышишь такой диалог:

— Пишущая машинка? Нет в ассортименте.

— Стабилизаторов и магнитофонов не держим...

— Фотоаппарат «Зоркий» — два рубля в сутки. Почему так дорого? Цены не мы устанавливали...

Беседуем с заведующей магазином Ниной Ильиничной Выюговой.

— Конечно, ассортимент надо бы разнообразить, да и цены, знаете, не привлекают. Один рубль шестьдесят копеек за пользование велосипедом — это все-таки дорого. Если взять фотоаппарат «Зоркий» на месяц, то прокат обойдется чуть ли не в полтора раза дороже, чем новый в магазине.

С завидным упрямством цепляются в Свердловском горсовете за старый прейскурант, непродуманно утвержденный еще в 1957 году. В результате за прокат многих предметов быта свердловчанам предлагают платить раза в три дороже, чем москвичам или краснодарцам. А за пользование сервизами — чуть ли не в шесть раз. Взятые «с потолка» цены привели к тому, что многие товары лежат мертвым капиталом. Но с этим уже давно свыклись в городском управлении торговли. Прокатные отделы здесь считают нерентабельными, а содержат их больше для вида,— есть, мол, такие указания...

А ведь есть и другой опыт! В Ростове я посетил ателье проката, что на улице Текучева. Здесь полным ходом шла перестройка: заново оборудовались помещения, на видном месте — обновленный прейскурант цен. Четыре года ростовское ателье приносило убыток, из года в год снижалось количество клиентов. Но вот побывал его директор Михаил Иванович Ахулин в Краснодаре, познакомился там с работой такого же ателье. Оказалось, что краснодарцы перевыполняют планы, дают немалую прибыль, хотя цены за прокат товаров у них значительно ниже ростовских.

— А знаете, чем они привлекают? Богатством ассортимента, доступными ценами, хорошим обслуживанием! В Краснодаре вы можете взять во временное пользование и телевизор и холодильник (в ателье 170 телевизоров и 160 холодильников), пылесос и магнитофон, пишущую машинку и электростабилизатор, садовый опрыскиватель, готовальню, чертежную доску, бинокль — свыше трехсот наименований различных предметов. Заказ там принимают и по телефону, а по желанию доставят и на квартиру. Привлекает посетителя скользящий график цен: если вещь взята на длительный срок, ее прокат обходится вдвое дешевле.

Вот по такому образцу мы и перестраиваем работу,— заключил М. И. Ахулин.— Ростовский исполком горсовета пересмотрел цены. Фотоаппараты или детские коляски мы сдаем не только на сутки, но и почасно. Зачем вводить человека в лишние расходы! Шесть копеек в час за пользование «Зорким» совсем не дорого, а вещь в течение дня оборачивается много раз...

Не пора ли наконец и в Свердловске последовать этому примеру?

И еще об одном виде бытового проката — о небольших прокатных пунктах при домоуправлениях. Они наиболее удобны. Разве сложно в домоуправлениях иметь пункт проката «домашних механизмов»? В Свердловске даже разработали своеобразную трехлетку на сей счет: к 1965 году намечено открыть двадцать девять пунктов. Скажем прямо — немного. Ну, а существует пока... один.

Свердловск не исключение. Давно пора от «галочки» в сводке перейти к настоящему сервису. И это — дело не только местных Советов. Пора наконец активно вмешаться и Главбыту при Совете Министров РСФСР и Министерству торговли, в чьем ведении находится большинство прокатных пунктов страны. Они-то до сих пор отнюдь не баловали их своим вниманием.

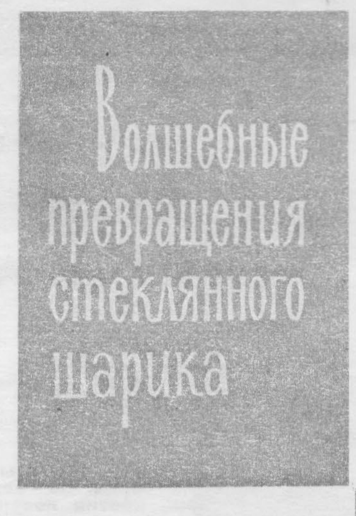

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Молодое предприятие — молодые рабочие. Татьяна Астахова, Виктор Аксенов, Валентина Воронина, Надежда Крайнова, Римма Муслимова и Лидия Нургалиева.

Директор Астраханского завода текстильного стекловолокна Николай Семенович Верескунов показывает небольшой шарик и говорит:

— Вот и все наше сырье... Обычная стеклянная капля. Получают ее, как и всякое стекло, из кварца с помощью некоторых дополнителей.

Здесь, на заводе, стекло претерпевает различные превращения. Шарики автоматически поступают в плавильный сосуд электропечи, стекло плавится и через тончайшие фильеры спускается под собственной тяжестью в виде пучка волокон. Умелая рука оператора Нины Горской направляет пучок в нитесборочное замасливающее устройство. Бежит стальная паутина — сто или двести волокон диаметром от пяти до семи микронов скручиваются и наматываются на бобину.

Оператор снимает бобину со стеклянной нитью и отправляет по конвейеру в крутильно-размоточный цех. С бобин на патрон перематывается нить. И теперь уже трудно представить, что она из стекла.

Дальше все происходит, как на обычном текстильном предприятии, оснащенном новейшей техникой.

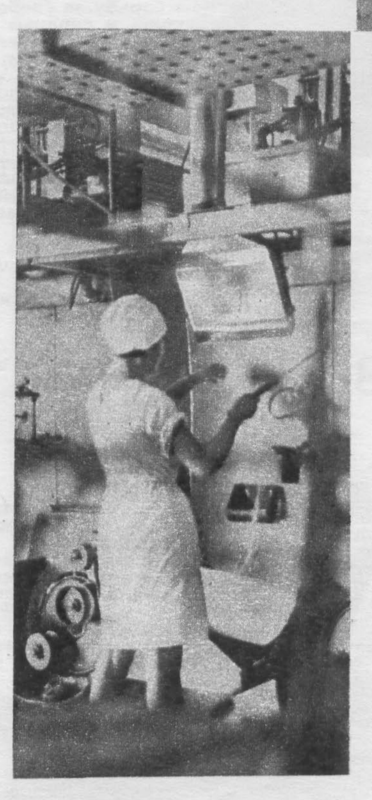
Только волокно из стекла обладает ценнейшими свойствами: оно очень прочно, малогигроскопично. Это прекрасный диэлектрик. Можно долго перечислять его качества: в земле не гниет, в воде не мокнет, кислота его не разъедает. Изделия из такого волокна уже побывали на больших океанских глубинах, в стратосфере и в космосе. Продукцию Астраханского завода ждут создатели самолетов и кораблей, автомобилей и тепловозов; она нужна строительной индустрии и электротехнике.

Недавно на заводе побывал Никита Сергеевич Хрущев. Он подчеркнул, что производство стеклопластиков — важнейшее дело с неограниченными возможностями в будущем.

Завод еще строится, продолжает расти. Ленинградские проектанты готовят сейчас техническую документацию второй очереди. Киевляне проектируют агрегаты для получения штапелированной стеклопряжи. Появится цех термохимобработки. А если заглянуть вперед на пяток лет, то на повестке дня и третья очередь — новый прядильно-ткацкий корпус.

Текстильщики, технологи, механики проходят здесь своеобразные «университеты». Многие начинали с рытья котлована, а потом, освоив новое оборудование, стали операторами электропечей, наладчиками ткацких станков, мастерами технического контроля.

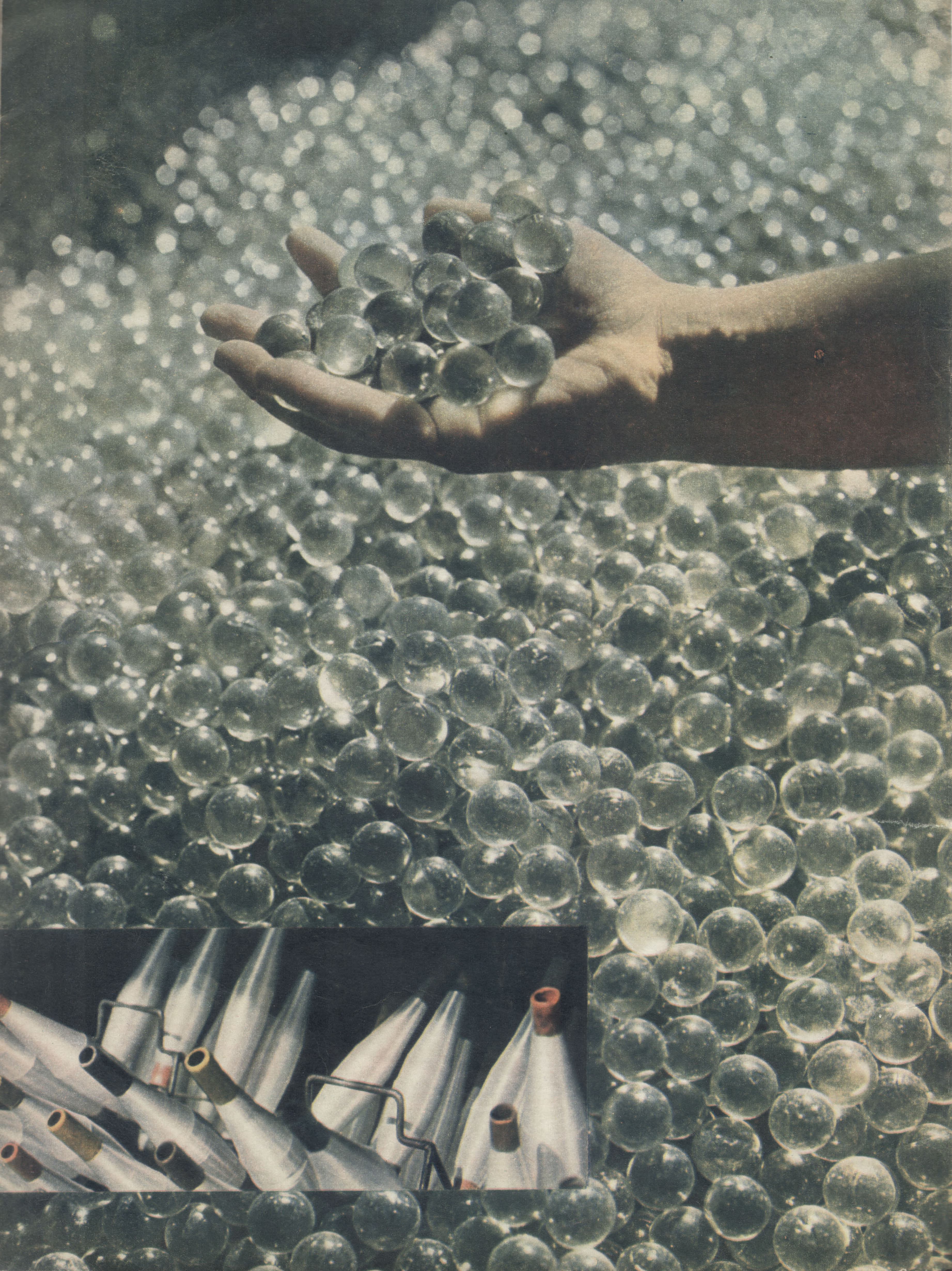
Ю. СЕЛЕНСКИЙ

В этой электропечи плавятся стеклянные шарики, чтобы потом превратиться в волокно.

Алла Сергеева — лучшая крутильщица Астраханского завода текстильного стекловолокна.

Рассказ

Нора АДАМЯН

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Еще не проснувшись, Петр Савельевич знал, что кто-то идет по его участку. И не идет, а крадется, поставит одну ногу, утвердится и подтягивает другую, так несколько раз. А до этого он слышал, как человек перепрыгнул через забор, шмякнулся и замер — пережидал время. Все это пришло во сне, мешалось с лесными шумами, с треском сучьев, со скрипом веток, с шуршанием опавших листьев.

Проснулся Петр Савельевич не сразу, хотя уже знал, что проснуться надо. И проснуться не рывком, а тихо и выйти неслышно задней дверкой, через другую половину дачи, чтоб не спугнуть раньше времени того, кто вдруг, плюнув на осторожность, пробежал по дорожке к кроличьим клеткам.

Накидывая телогрейку, напряженными руками отпирая дверь, Петр Савельевич почуял, как завозились по клеткам потревоженные кролики. Крольчатник находился в отдалении, по-настоящему слышать это было невозможно, но он явственно различал топот и трепыхание зверьков, потому что в точности знал, как это все бывает. А когда его обдало промозглой сыростью октябрьской ночи и духом перепрелой листвы, то уже явственно донесся жалобный писк зверька, которого хватают за уши.

Петр Савельевич остановился за яблоней. Упустить вора хуже, чем вовсе проглядеть. Спешить надо с умом. Единственный вору путь — к калитке и через лес на станцию. В глубь участка ему податься некуда. Было бы хоть какое-нибудь ружьишко для виду. Если там двое, то с палкой не очень справишься, хотя по слуху один.

Хозяин осторожно отделился от яблони. Небо одного цвета с землей пропадало в плотном тумане. Но Петр Савельевич и слепой прошел бы по своему участку не споткнувшись. Он переждал еще за скирдой сена, сложенного у крольчатника. Теперь в сером тумане он увидел движущуюся тень. Уже не надо было прислушиваться, и уши, точно отдыхая, перестали ловить шорохи. Зато обострилось зрение. Большой темный человек судорожными движениями отбивал дверцы, нагибался, шаря в клетках, распрямлялся, подтаскивая мешок.

Трудно было стерпеть, но Петр Савельевич для верности выждал, пока вор, пригнувшись, завозился над очередным замком. Потом, напрягая до отказа мускулы рук, он с размаху ударил вора по спине лопатой, навалился сверху своим крепким костистым телом и завернул вору руки особым приемом, которому в годы войны научился у одного разведчика.

* * *

С ним все как-то поступали несправедливо. Зла против него никто не имел, просто не везло. Пенсию ему определили после ранения, а через несколько месяцев вышел новый закон, и товарищи его в том же майорском звании получали теперь вдвое больше. Опять же с участком. Сперва Петр Савельевич вовсе не хотел брать никакой земли: только лишняя забота. Тесть тоже сперва не советовал, а потом стал подбивать: ягоды, огурчики разведешь, яблочки вполне возможно...

— Дом обязывают поставить.

— А чего дом? Ну чего дом? Работникам платить, что ли? Вот они, наши работники.

Тесть протянул старые руки. Но, правда, золотые это были руки, все могли.

Пока Петр Савельевич убеждался, что неплохо бы выстроить дачку, пока прикипал сердцем к мысли о своем будущем саде, умные люди разобрали хорошие участки, а ему стали предлагать что-то совсем неудобное: и от города далеко и от станции еще идти несколько километров. Никакого расчета не было соглашаться. Обидно стало.

А тут подвернулся человек, не то чтоб знакомый, но известный, в том же майорском звании, раненный в ногу. Участок ему достался завидный: езды на электричке меньше часа и от станции недалеко. Земля не бог весть какая, но место веселое, открытое.

Хозяин участка сам строиться не хотел, не надеялся на свои силы. С Петром Савельевичем договорился:

— Нужна мне одна-единственная комната, чтоб иметь возможность летом отдохнуть, поскольку у меня здоровье подорванное.

Петр Савельевич не сразу решился. И так и этак думал.

— Черт с ним,— сказал тесть,— слепим ему куточек из досочек.

Но этого Петр Савельевич никогда себе не позволил бы. Построил добросовестно. Как себе, так и соседу. Перегородку поставил основательную, чтобы наглухо отделить свою часть дома. О веранде слова не было сказано, но — себе веранду и ему веранду. Листовым железом весь дом покрыл. Ковырялись с тестем без малого два года. Сперва наездами, а как покрыли крышу, так Петр Савельевич и домой ездить перестал. Жена даже обижалась. А как уедешь: кругом материал, каждая доска, каждый кирпич за свои сбереженные рубли куплены.

Тесть это не очень понимал. Взбредет ему в голову, он и уедет на несколько дней: то ему праздник, то ему в баню. А Петр Савельевич не мог оторваться от участка ни на один день. То ли изголодался по настоящей мужской работе, то ли очень уж ему понравилось возводить дом, пробуждать тяжелую лесную землю, создавать сад.

В помощь никого не нанимали. Самое ценное и было в том, чтоб все сделать самим. Тесть был мастером на все руки, но характер имел легкомысленный. Взять хотя

Из этих стеклянных шариков изготовляется волокно.

бы то же кровельное железо. Долго Петр Савельевич его добивался. И бумаги на руках и резолюция, а железа нет. И вот возвращается он как-то из сельсовета, а возле дома грузовая машина. Тесть еще издали кричит:

— Где тебя в нужный час носит? Давай поспешай, я тут человека заморил!

— А в чем дело?

— Давай деньги.

— Какие деньги?

— Какие, какие... Гляди!

А железо уже сгружено, досочками аккуратно прикрыто — все в порядке.

— Откуда?

— Нас не касается. Наше дело — заплатить.

Нет, Петр Савельевич на это не пошел. Ему надо, чтоб у него все обстояло без сучка, без задоринки. Чтоб у него на каждую щепку оправдание было, чтоб чувствовал он себя честным перед людьми.

Погрузили железо обратно. Продавец сперва ругался, потом цену скинул, совсем дешево обошлось бы железо. Но не мог себе позволить Петр Савельевич действовать против своей совести. Тесть с досады взял в ларьке пол-литра, выпил и изливал душу:

— Чистоплюй ты, вот ты кто...

А потом уже совсем несообразно:

— Жадная твоя душа...

— Ладно, ладно, спи.

Что говорить со стариком? Он понять не может. Но и ссориться с ним нельзя: вся отделка дома за ним: он и монтер, и маляр, и стекольщик.

Построили дом. Все сделал Петр Савельевич по-хорошему. Получил майор за свой участок комнату, веранду, кусок земли перед окнами — на цветочки, на всякую клубнику-смородину.

Стояла дачка на расчищенном светлом месте. Окна глядели на зеленый лес. В первую же весну зацвели яблоневые деревца. Пусть всего по два-три цветочка, а смотреть было приятно.

Но ведь не выходит так, чтоб все было по-честному, по-уговоренному.

Сосед приковылял, когда Петр Савельевич сажал тоненькие вишенки.

— Неладно получается,— сказал он сумрачно,— участок пополам поделить надо.

И уперся на этом. Никаких резонов не признал. От своих прежних слов начисто отказался. Подавай ему двенадцать соток. Но ведь дом строен на четыре комнаты. На каждую комнату падает по пять соток, если по справедливости.

Первый разговор кончился криком. На второй день жены поскандалили. Петр Савельевич понял, что так дело не пойдет. Дисциплина в нем взяла верх. Подавил он обиду, пошел к майору и сказал без всякой злобы:

— Ну вот что: ты майор и я майор. Ты меня уважаешь, и я тебя уважаю. Что ж нам ссориться? Давай подадим друг на друга в суд. Как присудит суд, так и подчинимся.

Суд решил в пользу майора. Сколько трудов пропало! Яблоньки едва прижились, едва расцвели, пришлось опять их переносить. Ну, а землю, которую удобрял и песком, и известью, и торфом, с собой не заберешь. Осталась она соседу. Жена плакала. Тесть по-всякому поносил майора. Петр Савельевич и виду не подавал: и здоровался и беседовал...

* * *

Вор был здоровый, рослый. Сопротивляйся он, так еще неизвестно, кто кого осилил бы. Но от страха парень весь обмяк.

— Бей меня, дядечка, дорогой, бей,— сипел вор,— шибче бей!..

— Сволочь!..

— Бей еще!.. Только в милицию не води... Убей на месте — слова не скажу...

— Встань, пакость!

Вор поднялся, втягивая голову в плечи, готовый принять удар. Только руки его вздрагивали от желания защититься, хоть заслонить лицо.

Петр Савельевич больше не стал его бить.

— Клади кролей, откуда взял.

С лопатой в руках он неотрывно следил за каждым движением парня. Его не обманывала суетливая готовность, с которой вор рассовывал кроликов по клеткам и даже пытался приладить к дверцам сорванные замки. В любую минуту Петр Савельевич ждал рывка, удара, подножки, готовился к этому и, едва парень разогнулся, снова вывернул ему руки.

— Иди давай.

— Куда, дядечка, куда ведешь?

— Куда следует.

Парень завыл и повалился на землю. В клетке опять забились кролики. Темные верхушки деревьев качались и скрипели. Хорошо, если вор один, а если где-нибудь за елкой сидит его товарищ? Время такое, что на дачах мало кто живет, все больше старики да старухи...

* * *

Первая клубника со своих грядок вызывала умиление. Верно сказал тесть:

— За эти ягодки десять рублей дать дорого, а отдать их за десять рублей — дешево...

Много было возни с этой клубникой, с этой землей, которая от начала времен заросла лесными травами. Под войлоком корней лежал серый, твердый, как асфальт, глинозем. Первый год сорняки лезли так, что перепалывать приходилось каждые три дня. Жена Петра Савельевича весь отпуск просидела на грядках, руки стерла до крови.

— Не захочешь этой и ягоды,— жаловалась она. А когда наварила трехлитровые пузыри варенья да закатала тридцать консервных баночек компота на зиму, так, небось, была довольна.

И поели вдоволь. Гости приезжали. Больше всего к тестю. У него внук женился. Приехали в одно воскресенье молодые с братьями, сватьями, с тетками и детками. Ходили по участку, осматривали. Тесть, конечно, угощал:

— Рвите, ешьте, чего там, свое, некупленное. На рынке она, небось, кусается, а у нас она тихая, прирученная.

Ну и не стеснялись. Свои же. Ребятишки и смородину зеленую оборвали и яблоки с молодых яблонь посбивали. И вроде сказать неудобно.

— Ну и какая от этой родни польза?— выговаривал Петр Савельевич жене.— Они тебе сочувствуют? Кто-нибудь в апреле, скажем, приехал хоть раз: не надо ли, мол, что помочь? А в июле они все тут.

— Ладно тебе,— тоскливо отговаривалась жена,— не чужие ведь.

На следующий раз Петр Савельевич в субботу с утра собрал всю ягоду, с килограмм дома оставил, а остальное сдал в магазин. Хотя цена не базарная, а все пятерка в кармане.

Тесть сперва промолчал, а когда по случаю приезда гостей выпил, стал обижаться.

— Я его хлеба не ем!— кричал он.— Нам со старухой пенсии хватает, а если живу здесь три месяца в году, так весь этот дом моим горбом строен! А ему дай волю, он всех заездит. Это беда — у него кусок хлеба съесть.

— Будет, будет, папаша,— унимал отца старший сын, а сам подмигивал Петру Савельевичу: дескать, не обращай внимания.

Теща увела старика спать, а Петр Савельевич, бросив гостей, ушел в лес за торфом.

Не нужны ему были эти семейные праздники. Выпить хорошо с усталости, после работы или при встрече с товарищем, лучше всего с фронтовиком, с которым есть что вспомнить. А старик с сыном начнут обсуждать заводские дела: какие станки поставили, какие цеха достроили, кто на пенсию пошел, кто на повышение да как план выполнили. Старик на заводе всю жизнь прожил, а сын его там же от фабзайца до инженера поднялся. Им это все, конечно, интересно, а Петр Савельевич при этих делах вроде посторонний. Лучше привезет он десять мешков торфа на сырой кусочек земли, что за домом, прибавит мешков пять опилок, песка, сдобрит навозцем, и тощая, клеклая земля распушится, потемнеет. И на другой день бросовый участок, где густо росла неистребимая трава-водянка, оборачивался двумя высокими, пухлыми грядками.

И от этого Петр Савельевич добрел.

— Чего посадим, жена: ягоду или огурцы?

Жена только проснулась. Сердится на вчерашнее.

— Ничего мне не надо, гори оно все зеленым огнем.

Петр Савельевич знал, когда сказать, а когда промолчать. Он опять ушел в лес, приволок большой полуистлевший пень и закопал его под молодой яблонькой. Истлеет пень — подпитает дерево.

Теща позвала его:

— Иди уж завтракать. И что ты с самой зари, как каторжный?

Жена на коленках копошилась у новых грядок.

* * *

— Уй-юй-юй, дядечка, не веди меня в милицию!..

Здоровый парень вопил тоненьким, ребячьим голоском.

— Только три дня как из тюрьмы вышел, до дому добираюсь, денег не хватило, поимейте жалость...

Ворюга повторял заученные слова, на которые отзывались сердца жалостливых женщин. Но Петр Савельевич к этим словам сочувствия не имел. Именно таких людей без устоев, без совести он считал самыми вредными на земле.

— Из тюрьмы — значит, считаешь, герой?— зло сказал он.

Парень рванулся, но Петр Савельевич намертво держал его вывернутую руку и туго затянул парню запястья тонким ремнем, которым подпоясывал ватник.

— Дай закурить,— хрипло потребовал вор.

— Обойдешься.

— Ну, веди!

Конечно, сейчас Петр Савельевич отведет и сдаст его в милицию. Там придется писать длинное объяснение да еще на суд вызовут, дадут этому бандюге несколько месяцев, а он выйдет да и подпалит дачу. Вот навязалось дело на голову!

Петр Савельевич со злобой пнул парня в спину.

— Иди вперед, пакость...

* * *

От кроликов, во-первых, мясо, во-вторых, удобрения, в-третьих, шкурка. За шкурку дают от полутора до трех рублей, смотря по качеству. А шкурок этих в год больше ста. Мяса покупать не приходится. Каждый кролик кило на два тянет.

Только это все, конечно, не так просто. Если уж что-нибудь делать, то как следует. Клетки Петр Савельевич построил поднятые от земли, с сетчатым полом. Для молодняка — утепленные, для производителей—особые. Ну, само собой, кормить нужно кроликов.

Потому летом ни минуты не посидишь. В лесу всегда найдется поляна, пусть маленькая, которую можно скосить. Можно косить по обочинам лесных дорог, на опушках. По охапке, по мешку вырастает к концу лета копенка у кроличьих клеток. Никому это не в убыток. Все законно. А что приходится иной раз везти на тачке скошенную траву километра два-три по непроторенным лесным тропинкам, так это его труд, его дело, оно впустую не пропадет. Другие на его положении часами козла забивают или сложа руки сидят. К примеру, тесть получает газету и сидит над ней два часа, пока всю не прочитает. Будто ему очень нужна критика на спектакль, который он никогда не увидит, или статья о науке, в которой он ни черта не смыслит.

Старика избаловала пенсия. Иной раз и есть работа по дому, а он норовит в лес по грибки. И добро бы себе на зиму запасал, а то насушит и раскидывает по деткам и внукам. А тем что ни дай, все мало.

Ну, их-то Петр Савельевич приучил. Приезжать приезжают, но сейчас даже вспомнить страшно, как они по грядкам хозяйничали. Теперь если кто нагнется за ягодкой, так сперва на четыре стороны оглянется. А к обеду на стол Петр Савельевич всегда сам выставляет полную тарелку. Если ребятишкам, так и на дорогу корзиночку насыплет. На то они и ребятишки. Это понятно. Но ведь если всерьез, то с какой это радости всю родню угощать каждую субботу? Выпить гости привозят, так водка ему не нужна. Это тестю праздник, напьется старик и тянет песню:

Эх, это что же за любовь:
Ты домой, и я домой!
Нам такая нужна любовь:
Ты домой, и я с тобой.

А то кричит:

— Петя, ты у нас скопидомок, упаси от тебя бог! Жадный ты!

А чем он жадный? Что чужих зря кормить не любит? Вот прошлой осенью поехали жене пальто покупать. Пять магазинов обошли, пока купили. И хорошие пальто попадались, и жене нравились, а Петр Савельевич отвергал. Искал подороже, посолидней, чтоб материал был видный, и мех, и все как полагается. Сто пятьдесят отдал, не охнул. Разве жадный так сделает?

Или когда из поселка ученых попросили его на одном участке пни выкорчевать. Подрядились за десять рублей. А пни оказались трухлявые, корни неглубокие, работа десяти рублей не стоила. Петр Савельевич так прямо и сказал:

— Хоть я с вами и договаривался за десятку, а больше пяти не возьму.

Возвращался в тот день Петр Савельевич домой и все вспоминал серьезный разговор, который завязался у него с владельцем дачи, человеком ученым, в профессорском звании. И по всему этому разговору выходило, что правильно живет Петр Савельевич, не в чем ему себя упрекнуть, и даже людям есть чему у него поучиться.

Кое-кто это понимал.

— Гляжу я на тебя, Петр, хороший ты был бы председатель колхоза,— сказал как-то старший брат жены.

Только тесть и тут не согласился. Наперекор завопил:

— И, что ты! Такой председатель людей дешевле картошки считать будет. Он всех в землю носом навечно уткнет. В этом вся его и радость.

Ну и что? А если он сам в земле целые дни? Эх, да что там говорить! В слякотную осень, в зиму, длинными вечерами сидит Петр Савельевич на даче один в четырех стенах. Куда уйдешь от кроликов? А там, глядишь, перекопаешь землю у забора, сунешь в нее лишний кустик смородины.

И радость в этом. Яблоня вся в желтых, один к одному, яблоках, смородина черная, крупная — с вишню. Зеленые пупырчатые огурцы на грядке... Все своими руками. Честно. Правильно.

Остальное — блажь. Бывает это, налетает на человека. Но ни к чему.

Копал раз Петр Савельевич землю. Осенью, под вечер. Тихо было, тепло еще. Где-то звучал репродуктор. Музыка легко доносилась. И почудилось ему в этой музыке что-то такое знакомое, такое близкое, будто вот сейчас вспомнишь, где ты ее слышал, вот сейчас поймешь, что она тебе напоминает. Петр Савельевич даже копать перестал. Небо зеленело, как неспелое яблоко, и на нем лежали розовые облака. И это было знакомо. Под таким небом с ним когда-то что-то случилось. То ли когда выиграли первый бой, он упал на землю и смотрел на такое небо, то ли когда после победы ехал домой и стоял у окна вагона, а над поездом летели такие розовые облака...

Петр Савельевич отшвырнул лопату, переоделся и поехал в город. Всю дорогу электричка выстукивала музыку. Он сам не знал, зачем едет домой в неположенный день. Ему хотелось, чтоб жена ни о чем не спросила его, чтоб была она веселая, нежная и стыдливая, как в молодые годы.

Ну, и все было как полагается. Жена бросила стирку, напоила, накормила. Лишний раз Петр Савельевич выкупался. Поговорили о делах, посоветовались семейно — решили телевизор присматривать.

А утром Петр Савельевич уехал на дачу. День был серенький, с неба сыпала холодная крупка, голодные кролики топали лапами в клетках.

* * *

...По-волчьи вытянув книзу голову, парень шел вперед. И не парень он был, а здоровый мужик, опухший от водки, с вялыми, нетрудовыми руками.

От безнадежности он обнаглел и говорил хрипло, сквозь зубы и будто не Петру Савельевичу, а самому себе:

— Погоди еще. Я твою пристанищу знаю. Я твоего добра не забуду...

— Ты это про что?

— Это я так. Ни про что.

Отпирая у калитки замок, Петр Савельевич не спускал с вора глаз, а на секунду обернувшись, увидел свою дачку — складную, ладную, с цветными стеклами по верху веранды. Одной спички довольно — и уйдет дымом весь труд.

И вор смотрел на дачу — равнодушно, но внимательно.

«Запросто спалит»,— подумал Петр Савельевич.

Он толкнул вора на лесную тропинку. В конце концов кролики были его собственные, он их уберег, и черт с ним, с этим пропойцей.

— Дяденька...— снова жалобно затянул вор.

— Ну, гляди, встречу я тебя еще раз...

— Да провалиться мне... Да сдохнуть мне... Дяденька, родной...

— Пес тебе родной.

Петр Савельевич стал развязывать ремешок. Тугие узлы никак не поддавались.

— Ты режь, режь его,— захлебывался парень.

Он все дергался, мешая Петру Савельевичу. Пришлось оттянуть его снова к опушке, где было посветлее, и тут, в кустах орешника, Петр Савельевич увидел что-то ярко-белое, похожее на развешенную простыню. Он подтянул упирающегося парня к кусту. Там, странно нелепый посреди леса, стоял небольшой холодильник.

Еще не хватало!

— Где взял?— От злобы у Петра Савельевича дрожала челюсть.

— Да-а-а, теперь, конечно, теперь все на меня... А я знать ничего не знаю... Вы мне это не шейте... Я ни при чем...

Петр Савельевич открыл дверцу. У стенки холодильника лежал тонкий брусок колбасы, две банки консервов и что-то завернутое в бумагу.

«У Липкиных или у Сазоновых!» — соображал Петр Савельевич. Потом он явственно вспомнил, что такой маленький холодильник стоял на терраске у профессора, и профессорская дочка доставала из него холодный кофе.

И такая вдруг на него напала тоска, такая безысходность! Теперь он уже ясно видел, как все происходило. Бродяг этих было двое, холодильник они взяли в пустой даче — ничего более ценного там не нашли. Осмелели. Один потащил холодильник лесом к станции, другой решил по пути еще попытать счастья и полез за кроликами. Напарник его услышал шум и либо убежал на станцию, либо отсиживался где-нибудь в лесу под елкой.

А для Петра Савельевича все плохо. Задержать вора теперь вдвойне опасно. Другой-то на свободе. Минуты покоя не будет. И не уследишь. Сколько угодно таких примеров рассказывают.

Если отпустить парня, как быть с холодильником? И ведь нашли место, где его поставить! Ровно напротив дома Петра Савельевича. Бегай теперь по дачам, ищи владельца, а там милиция собаку приведет, вора поймают, а ведь он глуп, по всему видно, что глуп, он наговорит что не надо...

Парень опять дернулся. Вырваться не удалось, и он, тяжело дыша, стоял, ожидая своей участи.

А чего ждал Петр Савельевич?

— Ты мне это дело не шей. Ты лучше сделай, как раньше думал,— вдруг сказал вор.— Ты в это дело лучше не встревай.

От чего он осмелел? Что понял? Почему они вдруг стали, как равные, в этом темном лесу?

Петр Савельевич перерезал складным ножом ремешок, но удержал парня за пояс.

— Забирай холодильник.

— Куда мне его?

— Куда знаешь.

— Не унесу я.

— Унесешь.

Он своими руками погрузил холодильник на спину вору.

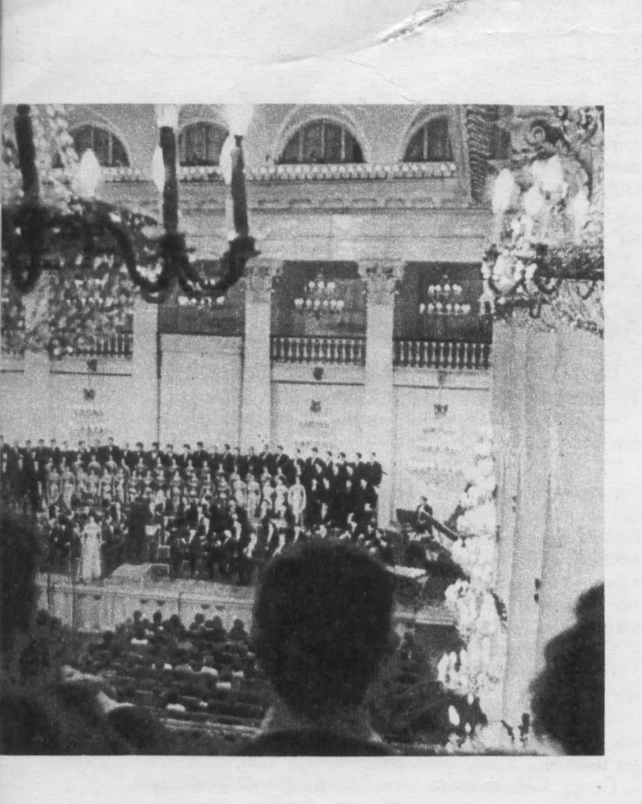
— Выше подденъ... Веревку дай...

Он поддел выше. Приладил веревку. Он все сделал основательно, толково, как всегда. Только про себя просил: «Уходи, уходи скорей, уходи так, чтоб я тебя видеть не видел и слышать не слышал...»

А вор уходил медленно, точно нащупывая землю перед тем, как поставить ногу, шел раскорякой, ненавистный в каждом своем движении.

И казалось Петру Савельевичу, что он никогда не выйдет из этого леса.

Лицо у Петра Савельевича стало мокрым от изморози, опущенные руки онемели. Он пошел к своему участку. Было слышно, как в клетках топотали потревоженные кролики.

Л. ФЕДОРОВСКАЯ

И. ТУНКЕЛЬ

1

Много новых музыкальных произведений написано московскими композиторами после XXII съезда партии: симфонии, оратории, кантаты, романсы, песни... Некоторые из них уже завоевали признание слушателей. Двенадцатая симфония Дмитрия Шостаковича «1917-й год» памяти Ленина, его же увертюра на русские и киргизские темы, оперетта Т. Хренникова «Сто чертей и одна девушка», песни...

В концертных залах столицы, районных и заводских клубах, студенческих и пионерских дворцах культуры отчитывались композиторы перед народом.

На многих программках помечено: «Первое исполнение».

1

— Я дирижирую сам. Хочется быть со слушателями без посредника,— говорит Дмитрий Борисович Кабалевский. Его «Реквием» на слова Р. Рождественского рассказывает о погибших, но посвящен живым.

2

Юрий Александрович Шапорин подпевает хору, исполняющему впервые его ораторию «Доколе коршуну кружить...»

3

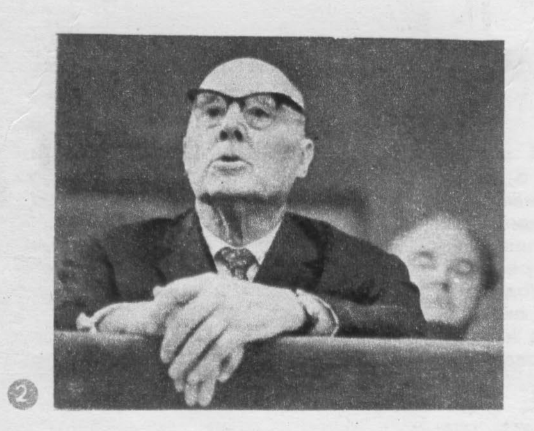
Наверное, Тамаре Попатенко потому удаются детские произведения, что она умеет и любит разговаривать с ребятами.

4

Почти на все концерты конкурса приходил Вано Ильич Мурадели, радуясь успеху друзей не меньше, чем своему.

5

Не будем выдавать тайн Серафима Туликова: ведь это «производственный» разговор во время репетиции.

2

3

4

5

Смотр музыки

Слово о полку Игореве

К 775-летию великой поэмы

И. ГЛАЗУНОВ. Владимир Путивльский (из цикла «Слово о полку Игореве»).

Д. ЛИХАЧЕВ,
член-корреспондент АН СССР

В истории русской литературы «Слово о полку Игореве» занимает почетное положение. Небольшой памятник, посвященный горестному поражению русских в походе против половцев 1185 года, оказался одной из самых больших и радостных побед русского слова.

К «Слову» нас привлекает трепетная любовь к Родине, забота о ее безопасности, горькое раздумье над княжескими неурядицами и вместе с тем глубокая поэтичность образов, свободное течение повествования, своеобразная ритмичность.

Поразительно, что столь небольшое произведение так богато и даже роскошно по языку. Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синие молнии не просто блестят — они «трепещут»; трава не просто полегла — она «никнет» («ничить»). Солнце «меркнет», багряные снопы лучей и вечерние зори «гаснут», месяц «поволакивается тьмою», наступающая ночь «прикрывает свет тьмою...». Ветер не просто помогает плыть кораблям — он их «лелеет на синем море», и Ярославна просит ветер, чтобы он «возлелеял» к ней ее милого мужа, то есть «лелеючи» помог ему доплыть до Русской земли. Это выражение очень уместно в устах любящей Ярославны, оно как бы исходит из ее тоскующего сердца. Персты не просто кладут на струны — их «воскладают».

Автор «Слова» скуп на эпитеты, но зато употребленные им очень метки. Вспомните, например, такие эпитеты: «жемчужная» душа, «теплые» туманы («мглы»), «живые» струны. Первый эпитет связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь в одиночестве на поле битвы, умирая от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (то есть через расшитый золотом ворот своей

Стихотворный пересказ Н. Рыленкова.

Зачин

Не приспело ль ныне время, братья,
Слово на старинный лад начать,
О походе Игоревой рати
Горестную повесть рассказать?

А начать нам подобает смело,
Не скрывая ни рубцов, ни ран,
Так, как правда времени велела,
А не так, как замышлял Боян.

У Бояна Вещего, бывало,
Если петь он начинал о ком,
Мысль, как серый волк в степи, бежала,
Поднималась к облакам орлом.

Говоря: былое вспоминаю,
Шум усобиц в думах не затих,—
Выпускал он на лебяжью стаю
Десять верных соколов своих.

Первая настигнутая лебедь
Первой и запеть была должна.
Трубным звуком прославляла в небе
Ярослава Мудрого она.

Славила Мстислава, что, не дрогнув,
На врага один за всех пошел,
В схватке перед полчищем касогов
Князя их Редедю заколол.

Красного Романа величала,
Щедрого и сердцем и умом.
И кружилась песня, ликовала,
И светилась даль в краю родном.

Но не десять соколов взлетали,
А Боян персты на струны клал,
И живые струны рокотали
Славу тем, кто не искал похвал.

Так начнем и мы, как можем, братья,
Повесть давних и недавних лет.
Ждет нас Игорь-князь, что в поле ратном
Наступал всегда врагу на след.

Изострил он в думах неустанных
Мысль свою обидой русских сел
И полки на половцев поганых
В бой за землю русскую повел.

I

В небо на померкшее светило
Игорь поглядел из-под руки.
Тьма дневная от него закрыла
Знаменьем смущенные полки.

И сказал он так своей дружине,
Как сказал бы и судьбе самой:
— Не добыв победы на чужбине,
Мы не смеем повернуть домой!

В битве ж, как от прадедов ведется,
Лучше сгинуть, чем попасть в полон...
Сядем же на коней наших борзых
Да посмотрим хоть на синий Дон.

...ТВЕНСКИЙ ...ОДАРОК

рики. Ей требовалось для этого побывать в Конго.

У меня лично никогда не было желания увидеть Конго. Вместо того, чтобы затевать это путешествие, я предпочел бы остаться в Лайтокитоке, где оставалась еще не решенной проблема леопарда: он так и не возвращался на «шамба» и не задирал больше коз, хотя и оставлял отчетливые следы в других местах, где обычно появлялся примерно раз в неделю. У этого леопарда была привычка спать на Киманском болоте, причем больше в траве, а не на деревьях. Однажды, правда, я подглядел его на дереве, но он соскользнул с него, словно ящерица. Шел дождь, я был в очках и не стал стрелять: я мог бы только подранить его, а местность не позволяла идти по следу, и леопард все равно ушел бы в заросли.

Мы все время выслеживали этого леопарда, всматривались в деревья, на которых он часто отдыхал днем, как было замечено нашими следопытами-неграми. Однажды, шагая с ними и не сводя глаз с деревьев, я наступил на трехметровую кобру, которая немедленно предприняла обходный маневр.

Это сильно развеселило сопровождавших меня следопытов из племени вакамба. Кобра вела себя самым постыдным образом: она не подняла голову и не раздула свой капюшон, как полагается поступать кобре, а попросту ретировалась в заросли. Я считаю себя отличным стрелком, но дважды промахнулся, стреляя в нее из пистолета; и тут началось то, что у вакамба именуется Великой Битвой со Змеей. Раздалось несколько залпов, но кобра скользнула в заросли тростника. Теперь, несмотря на желание остаться в этом районе, я стал понемногу склоняться к мысли, что план моей жены, мисс Мэри, посетить Бельгийское Конго все-таки не лишен некоторых достоинств.

Из Лайтокитока мы двинулись на двух машинах, одна из которых принадлежала моему сыну Патрику, жившему в Танганьике. С его машиной поступили по-каннибальски, то есть сняли с нее все исправные части и поставили их на вторую машину той же марки. Я вел машину Патрика, который, к сожалению, не мог поехать с нами: он лежал с приступом лихорадки в Ирингской больнице в Танганьике. Эта машина так и не смогла одолеть вброд речку из-за отсутствия дееспособного генератора (он оказался залитым водой). Ее вытащила из реки упомянутая машина той же марки, получившая жизненные органы с машины Патрика, которую пришлось вести мне. После этого мы двинулись дальше, в Каджиадо.

Из Каджиадо самолеты не ходили: там тогда не было посадочной площадки. Мы поехали в Найроби и оттуда вылетели в Конго на самолете «Сессна-180». Началось путешествие, которое должно было заменить мой рождественский подарок миссис Хемингуэй. Мы поднялись с аэродрома «Уэст» в Найроби около полудня. Вылететь по своему обыкновению рано утром мы не смогли: дожидались одного нашего друга, который вез нам важные известия.

Оторвавшись от земли, мы взяли курс на озеро Магади, где увидели с воздуха дома наших друзей и местную лавку, затем полетели к большому взгорью, надеясь найти там Дениса Зафиро, который, по слухам, разбил лагерь в этом районе. Зная его повадки и излюбленные места стоянок, мы действительно нашли его в так называемом Лагере Фиговых Деревьев, у небольшого ручья с чистой водой, который стекал со взгорья. Именно в этом лагере носорог дважды загонял Дениса в ручей, и место это довольно прочно засело у меня в памяти. Лагерь легко было обнаружить, пролетая над дорогой, вдоль которой велось строительство нефтепровода к Магади, прерванное носорогами (в этот инцидент нас с Денисом пригласили вмешаться). Дорога мне тоже хорошо запомнилась, и, следуя ею, мы долетели до взгорья, а после поворота на сорок градусов легко отыскали Дениса вместе с его гостем Кейтом Колдуэллом, входящим в десятку лучших стрелков Англии по стрельбе влет. В лагере все, видимо, шло нормально, и мы сбросили им записку с пожеланием всяческих успехов.

Оттуда мы полетели в Рифт-Вэлли, к тому месту, где мисс Мэри семнадцать дней подряд охотилась за большим черногривым львом, вместе с которым разгуливала приятельница примерно таких же размеров. Мы увидели сверху место, где этот лев однажды пытался составить нам компанию, вернее, проскочил сквозь нашу группу по пути на взгорье. Мы тогда поднялись на взгорье вслед за ним, нашли место, где он, вероятно, скрылся, и долго еще обсуждали это событие. В том месте была хорошая просека, и мне сдается, мы могли без труда убить этого льва.

Когда обсуждаешь такое событие в маленьком самолете, приходится переговариваться более или менее в манере «staccato».

Я сказал:

— Видишь, вон туда ушел тот чудесный зверь, а там он был, когда мы оставили его в покое.

Мисс Мэри ответила:

— Ладно, ты и твои бравые компаньоны по охоте вполне могли бы идти за зверем и найти его, но вам просто лень было карабкаться еще выше по взгорью.

Я ответил:

— Н'дио, дорогая («н'дио» на суахели значит «да»).

Мы прекратили пикировку и полетели дальше над Рифт-Вэлли, пока не добрались до небольшого вулкана, который давно меня интересовал.

Мы вдоволь полюбовались вулканом, который еще недавно извергал лаву и пепел, потом распрощались с ним, решив взглянуть на озеро Натрон. Это озеро интересно на редкость густым цветом воды, что вызывается особого вида водорослями; а на берегах озера большими стадами водятся буйволы. Шкура у них угольно-черного цвета, у самцов широко поставленные рога. Эти рога выглядят очень внушительно даже с воздуха.

Дно озера — глубокого розового, почти фуксинового цвета. На озере несчетное множество птиц, мы даже разглядели стаи фламинго. Затем мы направились к бездействующему вулкану на западной стороне взгорья. Убедившись, что в кратере бездействующего вулкана нет ничего такого, что могло бы представить большой интерес с воздуха, мы полетели к кратеру Нгоронгоро — это довольно известное место, оно славится обилием крупной дичи, и туда часто приезжают туристы. Даже бегло осмотрев эту любопытную впадину, мы заметили несколько тысяч антилоп-гну, антилоп-конгони и других пород. Львов мы не видали.

Уйдя в сторону от впадины Нгоронгоро, мы пролетели над равниной Серенгети; там я показал мисс Мэри склон, на котором моя бывшая жена, очаровательная мисс Полин, убила замечательного гривастого льва. Потом мы с мистером Маршем [1] показали мисс Мэри место, где я убил вполне приличного льва и гиену, причем последнюю из дробовика, когда охотился на уток. Гиена выскочила из высокой травы и в какой-то степени сама напросилась на безвременную кончину. Гиена — великолепный актер и лучший исполнитель роли в фильме, который мы всегда называем «Снега Занука» [2]. Кроме того, она обладатель особенно-

---

[1] Рой Марш — пилот арендованного Хемингуэем самолета.

[2] Так Хемингуэй в шутку называл кинофильм «Снега Килиманджаро», поставленный голливудским продюсером Дарилом Зануком.

го голоса, которого как-то даже не хватает, когда сидишь в столице Кении Найроби. Но в общем-то гиена — довольно неприятное создание. Она всем не по душе, особенно после того, как мы однажды видели, как гиена вырывала куски мяса из живого носорога, только что раненного слонихой. Гиена и ее супруг напали на носорога и стали объедать края раны, нанесенной ему в левое бедро бивнем слонихи.

Перебирая воспоминания о гибели той «фиси» — так гиена называется на суахели, — мы незаметно добрались до небольшого городка Мванза, где заправили самолет горючим. Мы не поехали в город, а остались у посадочной полосы, потому что магнето, видимо, вышло из строя, и, чтобы подняться в воздух, пришлось руками раскручивать пропеллер.

После этого мы пролетели над озером Виктория — к Руанда-Урунди. Это довольно пустынная часть Африки. Нам не удалось увидеть саблерогих антилоп, а говорят, их много в этих местах. Затем мы обнаружили одного весьма пожилого носорога, которому, как нам показалось, нечем было заняться в это время дня, и четырех бесцельно прогуливавшихся слонов с небольшими бивнями. После Руанда-Урунди началась довольно населенная местность с конусообразными хижинами. В селениях наблюдалось заметное оживление: мы смогли различить группы местных жителей, которые, видимо, здорово веселились.

Мы сели на очень хорошую посадочную полосу в городке Костермансвилль, расположенном у озера Киву. Там есть первоклассный отель с видом на это озеро. Киву — одно из самых красивых озер, какие я когда-либо видел. Невозможно точно сравнивать озера, но я думаю, что Киву с его островками, ломаной береговой линией и цветом воды так же красиво, как Лаго Маджиоре или Лаго ди Комо[1], и я уверен, что в Киву, во всяком случае, меньше трупов.

Чудесным, ясным утром мы исправили магнето, тщательно проверили самолет и, поднявшись, взяли курс на север через Заповедник горилл.

Мы пролетали между двумя действующими вулканами, и некоторое время воздух в самолете сильно напоминал запах на наблюдательном аэростате, в который угодил 20-миллиметровый зенитный снаряд, иначе говоря, в самолете сильно запахло серой. Пришлось открывать боковые стекла. Вулканы дымили так сильно, что фотографировать их было бесполезно, поэтому мы ушли в сторону и взяли курс на северо-запад — посмотреть на хребет Рувензори, который с легкой руки журнала «Лайф» известен теперь под названием «Лунные горы». Мне все же кажется, что это название было придумано покойным писателем Райдером Хаггардом.

«Лунные горы», к сожалению, были закрыты облаками, как это часто случается с горами, и мы их не смогли ни осмотреть, ни сфотографировать. Поэтому мы повернули на Энтеббе, где оказалась прекрасная посадочная площадка, пустынная в то время из-за того, что самолеты, которые англичане называют «Комета», были временно сняты с полетов после аварии одного из них при посадке.

Мы выразили искреннюю надежду, что скоро «Кометы» снова начнут летать, выпили за их скорейшее возвращение на авиалинии и направились в отличную гостиницу «Лейк-отель». Это действительно прекрасная гостиница с чудесным видом на озеро Виктория. Я надеялся, что к этому времени мисс Мэри начнет избавляться от клостробофии[2], которую она испытывала, когда была вынуждена жить в Масайском заповеднике на склонах Килиманджаро.

Мы подождали в гостинице, пока рассеется туман, и вернулись на аэродром, чтобы лететь к озеру Альберт. Озеро Альберт очень живописно, на его западном берегу мы видели много рыбацких селений. Мы наблюдали за тем, как рыбаки ловят рыбу. Они забрасывали сети и заводили неводы с поплавками из дерева местных пород. Передвигались рыбаки по озеру в лодках, выдолбленных из целого древесного ствола. Когда они вытащили сети, мы заметили одну рыбину, видимо, нильского окуня, по меньшей мере фунтов на двести. Рыбаки быстро тащили ее к берегу. Мы помахали им, вернее, покачали крыльями самолета, и они нам тоже помахали в ответ. Это была действительно великолепная рыбина, а с воздуха она казалась еще лучше.

Мы пролетели к западному берегу озера Альберт, а затем вниз по Белому Нилу к Мерчисонскому водопаду. По пути мы видели на берегу озера много бегемотов и слонов и, чего я никогда прежде не встречал, смешанные стада слонов и буйволов. Все они, видимо, чувствовали себя прекрасно, чего нельзя было сказать про одного крупного бегемота, который недавно издох, и теперь его понемногу пожирали крокодилы. Крокодилы чувствуют себя очень уверенно в этой местности.

В Южной Танганьике, вдоль реки Руаха, можно увидеть лишь кончик носа крокодила, высунутый из воды. Дело в том, что на крокодилов много охотились в том районе, и они были осторожны. А здесь крокодилы лежали на берегу Нила головой к суше, а не к воде и, возможно, спокойно ожидали, что добыча сама подойдет поближе к ним. Во всяком случае, их было великое множество. Я насчитал полтора десятка крокодилов длиной футов в двенадцать (должен напомнить, что я вел счет с воздуха и поэтому не могу быть точным, возможно, были крокодилы и покрупнее). Но это были исключительно большие крокодилы. Они лежали под кустами и деревьями по всему берегу реки и отличались не только длиной, но и толщиной, и самолет их совсем не беспокоил. Мы решили, что это довольно-таки суровая местность.

Мерчисонский водопад очень живописен. Он низвергается с нескольких ступеней, а не переливается через один порог, как Ниагарский.

Мы сделали несколько кругов над водопадом на небольшой высоте, и после того, как мисс Мэри сняла несколько катушек пленки, которые я заряжал и передавал ей, мы решили вернуться в Энтеббе — немного отдохнуть и заняться отснятой пленкой. В этих широтах пленку нужно упаковывать вместе с дегидрационным веществом и наглухо запаивать в жестяных банках.

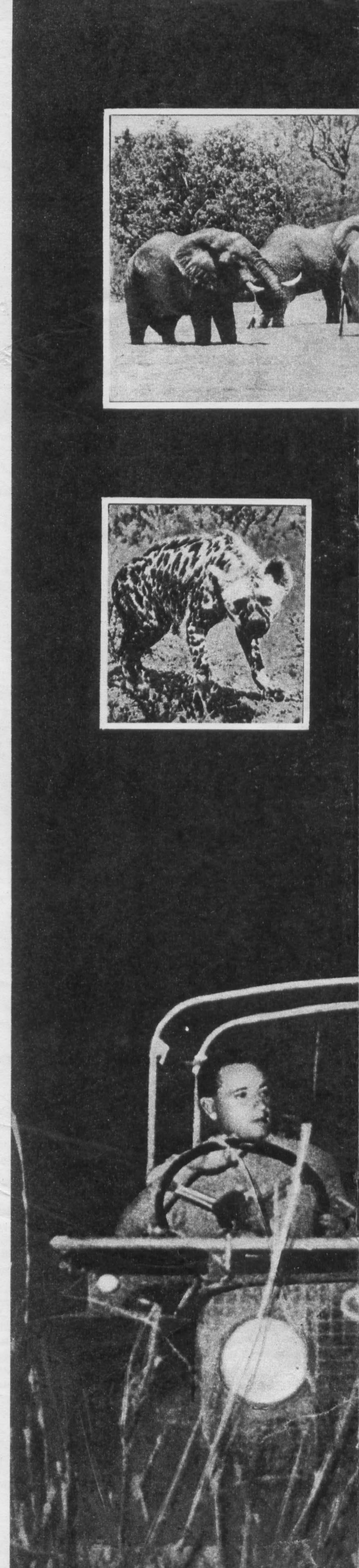
Когда водопад остался в стороне, нам встретилась стая больших птиц, которых я определил как черно-белых ибисов. Такую же стаю мы видели по пути вверх по реке. Птица такого размера может легко пробить плексиглас и вывести из строя пилота на самолете такого типа, как наш. Место второго пилота занимала мисс Мэри, поэтому Рой Марш резко спикировал под стаю. Мы увидели, как птицы летят над нами, и смогли полюбоваться их черно-белым оперением.

В этот-то момент, отклонившись от курса отнюдь не по нашей вине, мы налетели на телеграфный провод.

Эта телеграфная линия была заброшена после того, как здесь создали сеть радиостанций. Почти вся проволока была снята. Небольшая же часть провода, на которую мы наткнулись, сохранилась потому, что никто не смог добраться до нее из-за боязни искупаться в Мерчисонском водопаде. А может быть, причина тут была в огромном количестве диких зверей, которых мы видели собственными глазами.

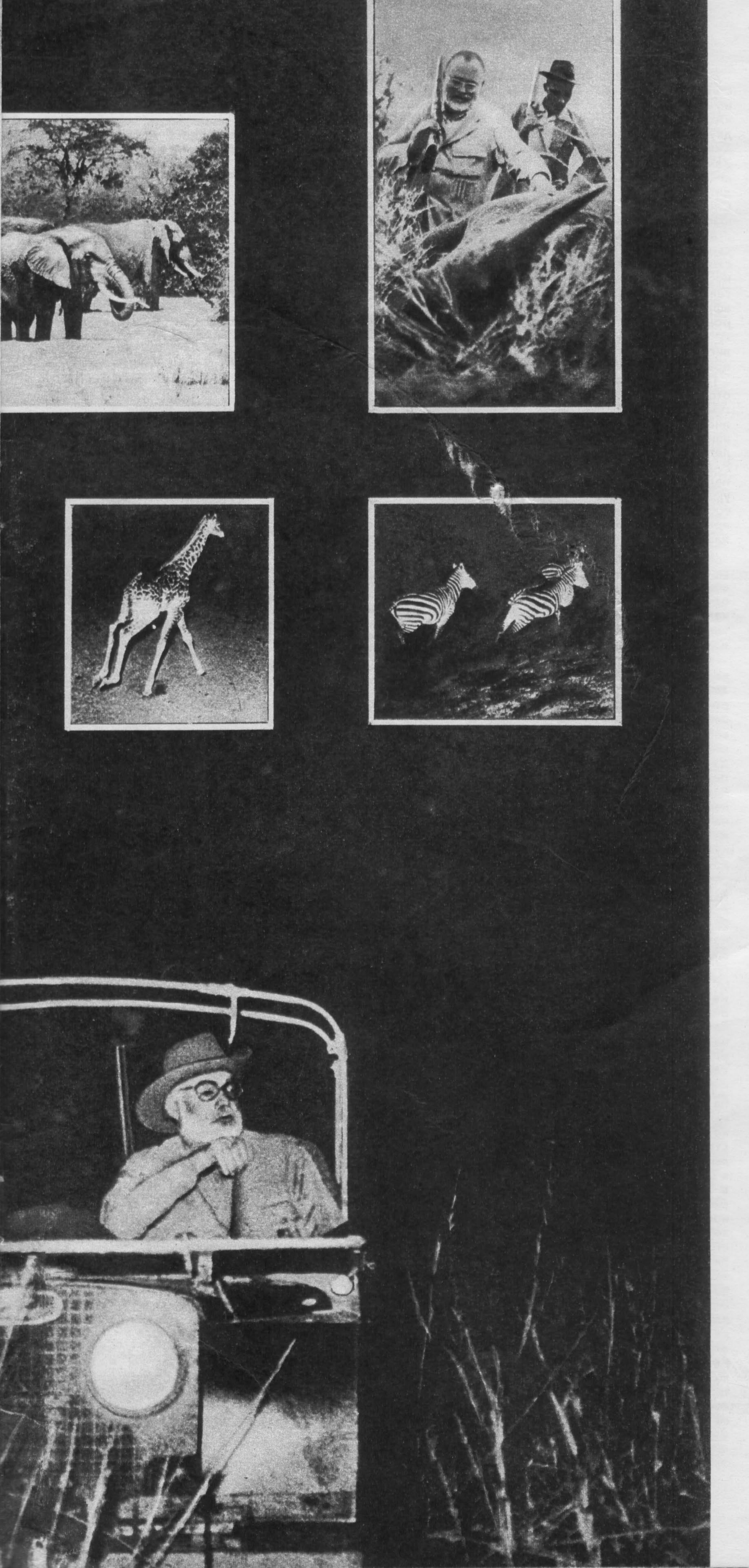
Самолет ударился о провод сначала пропеллером, а потом хвостовым оперением. На какое-то время самолет перестал слушаться управления, да и повреждения были настолько явными, что пришлось немедленно идти на посадку. Мы могли, конечно, сесть на то, что было прямо под нами и что на жаргоне королевских ВВС именуется «пойлом». Однако в «пойле», которое мы с Роем внимательно разглядывали, оказалось слишком много крокодилов, так что посадка становилась нецелесообразной. Кроме того, как вам известно, никто не сажает на воду самолет с неубирающимся шасси. Для садящегося самолета вода — одно из самых твердых веществ, и если вы не можете посадить самолет точно на брюхо, не ждите добра от посадки! Удар неубранного шасси о воду почти неизбежно заставит самолет резко нырнуть вперед так, что пилот и пассажиры очутятся в воде и притом вверх ногами. Поскольку же вода еще кишит крокодилами, даже опытные нарушители закона всемирного тяготения сочли бы такой маневр крайне нежелательным.

Рой Марш избрал более простой и верный выход: он резко метнулся влево, туда, где

[1] Озеро в Северной Италии, в районе которого велись тяжелые бои во время первой мировой войны.

[2] Боязнь закрытых помещений.

виднелась твердая почва. Правда, этот участок был покрыт густыми зарослями, но «Сесна-180» могла приземлиться на скорости 40 миль в час. Рой Марш, убедившись, что закрылки в порядке, очень мягко посадил машину в самую гущу кустарника, который на деле оказался деревьями среднего размера. Раздался обычный при авариях скрежет рвущегося металла, но все осталось целым. Мы быстро прикинули повреждения, нанесенные самолету, и тут же занялись мисс Мэри, которая прежде не участвовала в подобных делах. Некоторое время я не мог нащупать у нее пульс, хотя она ни на минуту не теряла сознания. Это явление я хотел бы описать в интересах науки. Когда пульс был найден, оказалось, что он доходил до 155 ударов в минуту. Рой подтвердил это. Мы решили, что нам лучше всего медленно подняться на какую-нибудь возвышенность, чтобы избежать встречи со слонами, которые уже начали вслух комментировать наше прибытие.

Мы расположились на склоне, где раньше, видимо, была стоянка браконьера. Вблизи проходили две слоновьи тропы, а позади было небольшое возвышение, увенчанное крутой скалой, куда не мог бы взобраться ни один слон. Мы с Роем нарвали травы и сделали ложе для мисс Мэри, набрали дров для костра, а Рой ходил к самолету раз пять, не меньше, и посылал обычный сигнал бедствия — «майский день» [1]. На летном языке это равнозначно сигналу «SOS», который приобрел столь широкую известность благодаря рекламе, созданной ему тонущими кораблями. Мы нарочно затеяли с Роем небольшую перебранку, и слоны высказывались каждый раз, когда нас слышали. Так Рой узнал, где стоят слоны и как можно было бы обойти их стороной. Мы решили, что наша основная задача — остаться в живых. В первую очередь надо было заняться мисс Мэри, у которой (в то время мы еще не знали об этом) было сломано два ребра, и это причиняло ей основательную боль, на которую она, правда, ни разу не пожаловалась. Во-вторых, беречь наши припасы, то есть распределять по строгой норме бутылку воды, четыре бутылки пива «Карлсберг» и бутылку виски «Гранд Макниш» — эту марку я усиленно рекомендую без всякой надежды на получение вознаграждения за рекламу.

Мы решили, что после посылки обычных сигналов об аварии самолета нам придется прождать по меньшей мере несколько дней, пока нас не вызволят, потому что местность была совершенно непригодна для посадки спасательного самолета: вблизи не было никакой посадочной полосы.

Мы уже подумывали о том, чтобы подготовить аварийную посадочную площадку, куда мог бы приземлиться небольшой самолет. Решили выдавать через день бутылку пива на троих и по глотку виски «Гранд Макниш» ежедневно к вечеру. Запасы воды мы собирались пополнять из Мерчисонского водопада, где ее, кажется, хватало с избытком.

У Роя было ведро на один галлон [2], в нем раньше хранился бензин, но оно вполне годилось для того, чтобы в нем носить воду. Это решило питьевую проблему, хотя у нас и была продолжительная дискуссия, которая обычно разгорается на подобного рода пикниках,— не распаяется ли банка, если в ней поставить кипятить воду. Этот спор, как и общая дискуссия насчет различных планов спасения помогали нам коротать время, и так шло до тех пор, пока не появилось стадо примерно из шестидесяти слонов. По своему обыкновению, они подошли совершенно бесшумно, если не считать того, что время от времени переговаривались между собой.

Мисс Мэри крепко спала. Мы накрыли ее моим пиджаком и плащом, полагая, что она в состоянии шока, на что имела все основания. Я иногда устраивался подле нее, но большую часть времени сидел у костра, рядом с Роем, который спал в легкой открытой рубашке и коротких штанах. Мы не могли определить температуру воздуха, но я уверен, что она была довольно низкой: я никогда раньше так не замерзал.

Мне все-таки было лучше, чем Рою: на мне была почти целая фланелевая рубашка и брю-

---

1 «May Day» (англ. — искажение французского «m'aidez» — «помогите»).
2 4,53 литра.

ки. Мы не думали, что наш полет затянется, и оделись легко, зная, что в Африке в самолетах обычно бывает тепло. Наш спор о банке для воды был прерван большим слоном с довольно внушительными бивнями, который появился на расстоянии примерно ярдов двадцати от нас. Он, видимо, шел вверх по слоновьей тропе, собираясь полакомиться зелеными ветками на склоне холма, и остановился, чтобы обследовать наш костер. Он широко расставил уши. Они показались мне шириной в добрые 60 футов, но, повидав на своем веку немало слонов, я хорошо знал, что днем уши не бывают такими большими.

Слон поднял хобот, показавшийся мне длиной в несколько сот футов, хотя я знаю, что хоботы таких размеров тоже невозможны. Затем слон издал странный, какой-то жалобный звук и по всем признакам собрался нанести нам визит. Рой и я сохраняли напряженное молчание, даже перестали дышать; мы искренне надеялись, что слон оставит нас в покое и уйдет по своим делам.

Он так и сделал. Наступила ночь, и визиты любопытных слонов стали уже более или менее привычным делом. Единственной оборонительной мерой от этих больших животных, которые, между нами говоря, ухитряются принимать при лунном свете невероятные размеры, было соблюдение полной тишины. Любой звук мог бы показаться оскорбительным для слонов, которые, в сущности, были здесь хозяевами. Если кто-нибудь из нас нарушал тишину в присутствии хозяев-слонов, мы как можно мягче увещевали и предостерегали нарушителя.

Мисс Мэри отлично выспалась, и хотя утром у нее была довольно сильная боль, она выглядела бодро и даже поинтересовалась, что на завтрак, выразив удивление, что не подан чай. Потом она разделалась с яблоком, выданным ей сверх пайка.

Рой еще на рассвете ушел за водой к Мерчисонскому водопаду, который так грохотал, что мы не слышали самолетов, несомненно, уже начавших поиски в этом районе. Несколько раз мне казалось, что я слышу гул моторов, а по меньшей мере один раз я был уже просто убежден в этом, но шум водопада, относимый ветром в нашу сторону и менявшийся в зависимости от силы ветра, не позволял удостовериться, было ли это так на самом деле.

Утром, пока Роя не было, я подбрасывал ветки в сигнальный костер: надо было указать наше местоположение пролетающим самолетам. Все время приходилось искать сухие дрова. Мы жгли сырые ветки, чтобы погуще шел дым, но все же приходилось раздобывать и сухие дрова, чтобы не дать костру погаснуть. Одно время мне это не удавалось: стоило сломать сухую ветку — и слоны громко и вызывающе трубили. Но мы все-таки запаслись сухими сучьями и надерганными поблизости корнями, развели хороший костер и дымили весьма основательно.

К сожалению, нам составляли конкуренцию несколько лесных пожаров такой силы, что кто-то из нас даже принял зарево пожара за восход луны.

Во время одного из утренних путешествий за дровами я уклонился примерно ярдов на пятьдесят влево от нашего лагеря, полагая, что он находится где-то в направлении от холма к реке. Здесь слоны выражали протест против малейшей попытки наломать сухих веток. Сами они объедали зеленые кустики, и треск ломающихся сухих ветвей раздражал их. Ветер дул в нашу сторону, и я осторожно добрался до дерева с очень хорошими сухими ветками. Но стоило мне сломать ветку, как я услышал протестующее ворчание слона. Я повернул голову в ту сторону, откуда донесся звук, и вдруг увидел белый катер, поднимавшийся вверх по реке. Так как во время наших собственных путешествий мы не раз наблюдали миражи, особенно когда солнце поднимается высоко, то и при виде этого катера я сначала подумал, что мне надо проверить себя. Я позвал мисс Мэри и сказал ей, что вверх по реке идет катер. В эту минуту катер как раз исчез за мысом. Мисс Мэри усомнилась в моем открытии, но сделала это самым дружеским образом. Я довел ее до того места, где еще можно было не бояться нападения слонов, которые все чаще переговаривались между собой. И тут катер появился из-за мыса.

Это был чудесный катер, правда, довольно старомодных линий. Позднее мы узнали, что именно это судно было использовано в фильме «Африканская королева», где главные роли двух бесстрашных африканцев играли Кэтрин Хепберн[1], которой я постоянно восхищаюсь, и Хамфри Богарт[1], с которым я ни разу не сталкивался в реальной жизни. Но он очень убедительно ведет свою роль в этом фильме. Словом, появление катера было для меня исключительно приятным происшествием.

Мы посигналили катеру, который совершал свои очередные рейсы не чаще, чем раз в месяц, и оказался здесь по счастливой случайности. Группа людей с катера начала утомительное восхождение на холм. Все они были африканцы, один из них был чрезвычайно хорошо сложен. Я старался показывать им дорогу с таким расчетом, чтобы они не натолкнулись на слонов. Мне удалось сделать это, направив их по западной стороне холма.

Почуяв присутствие многих людей, слоны отошли поближе к разбитому самолету, а затем, по моим наблюдениям, и вовсе разбрелись. До этого они произвели полное обследование самолета, что было потом подтверждено летчиком компании «ВОАС» капитаном Р. С. Джудом, который в это время пролетал над разбитой машиной; должно быть, слоны уже считали самолет в некотором роде своей собственностью. Они не нанесли ему никакого вреда, очевидно, приняв его за своего гостя, как, впрочем, и нас троих.

Миссис Хемингуэй спустилась из лагеря вниз вместе с нашими друзьями с катера «Мерчисон», то бишь с «Африканской королевы»; при одном из них была винтовка весьма крупного калибра, и у него был вид весьма бывалого человека. Я решил, что мисс Мэри попала в надежные руки.

Я остался в лагере ждать Роя Марша. Он вернулся с водой. Бросив взгляд на катер «Мерчисон» и убедившись в том, что мисс Мэри находится на борту в безопасности, я решил откупорить "Гранд Макниш" и сделать себе виски с водой, отныне уже ненормированного запаса — это была дистиллированная вода для аккумуляторов нашего самолета, и теперь ее так или иначе пришлось бы вылить. Единственным затруднением при изготовлении напитка было отсутствие какого-нибудь стакана или другой посуды. Поэтому я спешно принялся за бутылку пива; опорожнив ее, я получил сосуд для виски «Гранд Макниш» с водой.

Эта операция была прервана появлением группы слонов. Ни один из них не проявлял враждебных намерений, за исключением одной слонихи, у которой, видимо, были какие-то неприятные воспоминания, связанные с этим старым браконьерским лагерем. Может быть, она потеряла здесь возлюбленного или супруга? Во всяком случае, она была настроена крайне враждебно. Расставив как можно шире уши, она начала приближаться ко мне. Я немедленно отступил и на четвереньках вскарабкался на крутой утес. Сюда мы с Роем собирались втащить мисс Мэри, если бы слоны подошли слишком близко.

По непонятным причинам (ведь мы ничем не обидели слонов) эта слониха испытывала сильную неприязнь ко мне — именно лично ко мне. Она попыталась взобраться на выступ пониже самого утеса. Так как утес был выбран как укрытие для мисс Мэри, то я был в безопасности, насколько можно вообще быть в безопасности, сидя на утесе. Я подобрал несколько камней и, хотя обычно бросаю с правой руки, начал швырять ими в слониху с левой. Правая рука временно вышла у меня из строя из-за вывиха в плечевом суставе. Слониха шумно возмущалась тем, что я занял позицию на утесе. Я швырнул в слониху несколько камней. Она полностью сохраняла свои агрессивные намерения и подняла хобот на высоту, которую я счел чрезмерной, поскольку хобот почти касался моей особы, а в этом отношении я исключительно чувствителен, особенно когда в деле замешаны слоны. Слониха, по-видимому, старалась достать меня хоботом, а это, согласно традициям всех родов войск, в которых я когда-либо служил, считается крайне нежелательным. На таком близком расстоянии хобот казался очень уж большим, и мне особенно запомнилось, что от него шел какой-то резкий запах, а конец хобота изнутри был розового цвета; кроме того, на конце было занятное складывающееся устройство. Мне почему-то захотелось очутиться в Киманских болотах, в компании моей милой кобры. У слонов вообще маленькие глазки, но я попробовал еще раз попасть слонихе в правый глаз и снова промахнулся. Я попал ей камнем в левый глаз, и это, кажется, произвело на нее некоторое впечатление, хотя она и продолжала разговаривать в том же грубом тоне. Вслед за этим мне удалось попасть ей точно в рот.

Я опускаю дальнейший диалог между слонихой и мной, могу только сказать с уверенностью, что он велся с обеих сторон в довольно неприятной манере. Я припоминаю, что объявил ей: «Уйди, противная слониха, или тебе придется отвечать за последствия». Слониха ответила что-то на своем языке, который к этому времени я уже начал немного понимать.

Потом я сказал: «Слон, умри!» Подобную фразу я встречал в сообщениях корреспондентов о военных действиях на Тихом океане; японцы, будучи не в состоянии отбить атаку, якобы изрекали такие заклинания.

Слониха сохраняла позицию, так сказать, потенциального недоброжелательства. Видя, что ни окрики, ни призывы не производят никакого впечатления, я снова принялся бросать в нее камни. Всем известно, что питчер[2], бьющий с правой руки — а я был одним из наихудших питчеров,— не может подавать с левой. Но мне удалось попасть слонихе в рот один раз из трех, когда она поднимала хобот и вела себя со мной столь невежливо.

В конце концов она решила прекратить боевые действия и отправилась к остальным слонам, которые не проявляли особенного интереса к происходящему, хотя довольно много говорили между собой, а несколько самцов даже угрожающе растопырили уши, видимо, готовясь вступить в игру на случай, если их спутница проиграет схватку. Слоны — очень славный народ, и мне сдается, что слониха, которая вела себя так неприлично, просто была недостаточно воспитана или с ней когда-то дурно обращались. Вообще трудно точно представить себе, что думает слон о человеке,— слишком много слонов было ранено неумелыми или небрежными охотниками. При разделке туши одного слона, убитого в Южной Танганьике, были обнаружены следы четырнадцати ран. Охотник, убивший этого слона, ждал конца разделки туши, чтобы выяснить причину злобного нрава этого слона. Очевидно, этот слон, это прекрасное животное, которое, однако, может быть опасным, стал раздражительным из-за того, что в его теле и костях застряли пули; а две из них сидели у него в черепе — достаточная причина, чтобы у любого зверя несколько испортился характер.

Я не знаю, как обстояло дело с моей слонихой, но вполне допускаю, что она потеряла кого-нибудь из своих близких именно в этом месте, где проявила ко мне такое резко отрицательное отношение.

После того, как слоны удалились в сторону холма, я прошел к самолету и оттуда к катеру «Мерчисон», где присоединился к мисс Мэри. Там собралась приятная компания: супружеская пара, отмечавшая свою золотую свадьбу, их дочь с мужем и внук, которого звали Ян.

Мы сфотографировали самолет: надо было запастись вещественным доказательством происшедшей катастрофы. Потом мы выжгли растительность вокруг «Сессны», чтобы ее не повредили случайные пожары.

На катере мы выяснили, что зятем супружеской пары, праздновавшей золотую свадьбу, был мистер Макадам, выдающийся хирург. Он осмотрел мисс Мэри и нашел, что, хотя у нее сломано два ребра, общее ее состояние хорошее, и она быстро оправляется от шока.

Когда на катер вернулись Рой Марш и вся компания, ходившая смотреть на Мерчисонский водопад, мы подняли единственный якорь и поплыли вниз по реке к озеру Альберт, в Бутиабу.

Хорошо плыть на катере, который содержит-

[1] Известные голливудские актеры.

[2] Подающий в бейсболе.

ся в чистоте и порядке и располагает чудесным холодильником с пивом «Таскер» и несколькими сортами эля!

Крепкие спиртные напитки не подавались, но у индийца, капитана катера, удалось достать бутылку джина «Гордон». Он продал ее нам за цену, которую я счел невероятной — да и сам он признал это. По условиям фрахта катера он мог продавать этот напиток рюмками за довольно умеренную цену, но в Африке обычно наливают микроскопические порции. В то время у нас еще были деньги, мы купили бутылку джина, и я держал ее в резерве на всякий случай.

У меня было две связки бананов. Одна в меру спелая, другая немного переспела. Это был наш основной резерв в то время, когда мы думали, что задержимся надолго возле Мерчисонского водопада.

Поездка вниз по реке доставила нам огромное удовольствие. На обоих берегах реки мы видели бегемотов с потомством и множество крокодилов. Когда мы приблизились к левому берегу, нам удалось увидеть группы слонов, с которыми к тому времени я довольно близко познакомился. Я с удовольствием выпил за их здоровье пива «Таскер»[1] — такого холодного пива мы не пили уже долгое время.

Приятно было убедиться и в том, что шум падения «Сессны» нисколько не обеспокоил крокодилов — они по-прежнему лежали на берегу головами в сторону суши. Это, кажется, произвело некоторое впечатление на Роя Марша, в обязанность которого входило тогда носить воду с берега реки. В одной большой группе я насчитал около двадцати крокодилов, а всего их было штук пятьсот.

На всем пути мы видели слонов, поодиночке и стадами от шести до двадцати голов. Последние два года в значительной части Африки преобладала засуха, и перед нами было, вероятно, одно из крупнейших скоплений зверей у воды. Обычно звери подозрительно относятся к рекам и предпочитают пить из случайных источников, где вода остается после дождей. Теперь из-за частых степных пожаров звери жались к реке. Все они, казалось, были настроены дружелюбно друг к другу, единственным инцидентом была смерть бегемота, о чем я уже говорил раньше.

Река впадает в озеро Альберт, и после этого вы видите вокруг лишь довольно серую поверхность воды; но на озере много птиц, и видно, как играет рыба. Катер делал самое большее семь узлов, и мы могли не спеша рассматривать берега. Всякой птицы — огромное множество: пеликаны, крачки, большие стаи уток, в основном чирков, и водяных курочек.

Нам было очень хорошо на катере. Мисс Мэри после врачебного осмотра предложили принять ванну (которая принадлежала супругам, отмечавшим золотую свадьбу). Она приняла ванну, отдохнула и поспала; Рой Марш тоже вполне заслуженно вздремнул, пока мы с мистером Макадамом толковали о том о сем.

Мы прибыли в Бутиабу — маленькую, ничем не примечательную деревню на берегу озера. Остановиться было негде, если не считать гостиницы для тех, кого здесь называют «выходцами из Азии».

Капитан нашего корабля был тоже уроженцем Азии. Он потребовал за перевозку нашей группы по сто шиллингов с человека. Поскольку мистер Макадам (на теперешнем языке Британских островов врача, который учился в университете, следует называть мистер, а не доктор) уплатил стоимость фрахта и считал, что спасенные люди могут ехать на катере бесплатно по его приглашению, он опротестовал требование капитана.

Но я разбирался в морском праве и знал, что капитан корабля всегда может поступать так, как ему вздумается. Я уплатил требуемую сумму, а г-н Макадам написал официальный протест. За бутылкой «Таскера» я разъяснил г-ну Макадаму, что деньги надо платить всегда, а потом, если ты прав, получить их обратно. В дальнейшем так и вышло: нам пришел чек на 300 шиллингов от компании «Восточно-Африканские железные дороги и гавани», весьма справедливого учреждения.

В Бутиабе у нас был выбор: ночевать на катере, что, по моему мнению, было не очень привлекательно для мисс Мэри: на этом маленьком судне, пришвартованном к пристани, в каюте мисс Мэри, расположенной внизу, вентиляция была крайне недостаточной, либо отправиться машиной в Масинди. Решено было ехать в машине. Но тут мы встретили одного летчика, он целый день искал нас и хотел забрать в Энтеббе. Его самолет «Рапид» фирмы «де-Хавилланд» был заправлен и готов к полету. Но мне все-таки хотелось ехать в Масинди машиной, и в конечном счете мы так бы и сделали.

Если кого-нибудь из нашей компании, которая носит кличку «Международной компании рискованных спортивных развлечений», приглашают «наверх», приглашение это скорее напоминает приказ. Пилот самолета капитан Реджинальд Картрайт очень быстро произвел на грузовике разведку состояния посадочной площадки. Из-за облака пыли, поднятого грузовиком, невозможно было определить, насколько успешно идет разведка. Мне же эта посадочная площадка скорее напоминала красные холмы Южной Дакоты. На ней были крупные поперечные борозды, как на стиральной доске.

Поднявшись в самолет, капитан Картрайт занял кресло пилота, Рой Марш уселся в кресло справа, я — во второе кресло слева, чтобы уравновесить капитана Картрайта, который пожелал, чтобы мы сидели в пилотской кабине. Самолет пробежал примерно треть пресловутой посадочной площадки, а я все не верил, что нам удастся подняться в воздух. Самолет продолжал катиться на максимальной скорости, прыгая с кочки на кочку, подобно дикой козе. Внезапно это сооружение, которое все еще продолжало считать себя самолетом, рывком поднялось в воздух, причем это произошло вовсе не по его вине. Все заняло несколько секунд, после чего машина рухнула на землю. Раздался уже знакомый нам треск рвущегося металла.

Увы, на этот раз из загоревшегося правого мотора било пламя! Бензиновый бак, расположенный в правом крыле и залитый до краев для долгого пути в Энтеббе, тоже воспламенился, и ветер начал гнать огонь к хвосту самолета. В самолете мало что легко загорается, но когда бензин хлещет из бака, он омывает бок самолета, и тот загорается.

В эти мгновения, когда разбитый самолет стал окутываться ярким пламенем, я вспомнил старое правило: в двухмоторном самолете выход одновременно служит и входом. Я подошел к двери, через которую мы вошли, и увидел, что ее заело погнувшейся металлической обшивкой. Но я все-таки открыл дверь и крикнул Рою Маршу: «Я открыл ее! Как мисс Мэри?» Рой ответил: «В порядке, папа, выходим через носовой отсек».

Я открыл дверь, ударив в нее головой и левым плечом. Как только она отворилась, я полез на левое крыло, которое еще не горело, и принял мисс Мэри, Роя Марша и пилота, вылезших через отверстие, через которое я бы не смог пролезть.

Я поговорил с ними, и они сказали, что у них все в порядке, и мы все пошли вперед, стараясь отойти подальше от самолета. Некоторые считают, что самолет сгорает мгновенно, но я честно могу засвидетельствовать, что ни разу не видел, чтобы самолет горел медленней, чем наш. Это, наверно, был очень прочный самолет, и он не загорелся целиком до тех пор, пока все мы не отошли на приличное расстояние.

Рой объяснил мне, что он вытащил мисс Мэри из самолета через выбитое окно. Он и мисс Мэри примерно одинаковых размеров. Рой вылез первым, чтобы обеспечить выход мисс Мэри, и затем помог ей в лучшей манере стюардесс всех авиалиний. Я тоже собирался выступать в роли стюардессы, стоя у обычного выхода, но у меня не оказалось клиентов. Реджи вылез через окно, когда в самолете уже никого не осталось,— именно так и должен поступать человек «Н'деге».

Весь этот разговор насчет людей «Н'деге», видимо, совершенно непонятен для тех, кто не причислен к нашей компании. «Н'деге» означает «птица», так африканцы называют и самолет. У людей, которые тесно связаны с авиацией, всегда есть в запасе некоторые невысказанные чувства и скрытый от невнимательного глаза опыт. Есть у них и свои моральные законы, о которых не принято говорить громко. Если вы один из таких людей, это сразу видать. Если же нет,—вас непременно разоблачат. Самое худшее, что можно сделать, помимо того, чтобы наступить на хвост восьмифутовой кобре,— это притвориться человеком «Н'деге», не будучи им на самом деле. В стране, где «Н'деге» — привычное уже средство передвижения, это рано или поздно станет известным. Я бы мог написать об этом, но, как говорил гораздо лучший писатель, чем я, Рэдьярд Киплинг, это уже совсем другая история.

Многие люди и несколько сотрудников газет спрашивали меня: о чем думает человек в час своей смерти (довольно выспренняя фраза)? Что чувствует человек, когда читает некролог о самом себе? Причисляя себя к людям «Н'деге», я могу честно заявить, что в те мгновения, когда самолет разбивается и горит, мысли ваши заняты чисто практическими вопросами. Вся ваша жизнь вовсе не пролетает перед вашими глазами, как на киноленте, ваши мысли носят чисто техническую окраску. Возможно, что есть люди, у которых жизнь пролетает перед глазами, но в моей личной практике я пока что ничего такого не испытывал.

После того, как самолет разбился и сгорел, вы обычно пребываете некоторое время в состоянии, которое расплывчато и неточно обозначается словом «шок». В таких катастрофах, когда самолет падает на землю относительно медленно, особенного шока не бывает, но я верю, что ощущается нечто подобное. Однако если вы более или менее активно занимаетесь летным спортом, вам подобные ощущения знакомы, и вы всегда сможете в них разобраться.

Когда самолет воспламеняется при взлете, шок бывает гораздо сильнее, и в чувствах трудно разобраться в это время, поэтому вы стараетесь вести себя совершенно нормально. Это очень легко сделать, но это и вводит в заблуждение многих людей. Например, когда самолет уже разбился и горит, вы, ступив на землю, в первую очередь инстинктивно ожидаете взрыва боеприпасов. Вы не спрашиваете себя, есть ли на самолете бомбы. Вы отходите на приличное расстояние и ждете, когда взорвутся боеприпасы. В такую именно минуту, стоя поодаль и принимая поздравления возбужденных африканцев, энергично жмущих мне правую (вывихнутую) руку, я и услышал то, что должно было означать для меня взрыв боеприпасов.

В нашем самолете раздались четыре слабых хлопка — это взорвались бутылки с карлсбергским пивом, мой резерв. За этим последовал более громкий хлопок — лопнула бутылка виски «Гранд Макниш». Потом я ясно услышал еще более громкий, но не оглушительный взрыв, и я понял, что это неначатая бутылка джина «Гордон». Она ведь запечатывается металлической пробкой и поэтому лопается с большей силой, чем бутылка «Гранд Макниш», которая закрывается только пробкой да и была в этот раз наполовину опорожнена. Я ждал, но больше взрывов не последовало.

После этого мы покинули место катастрофы. Молодой полицейский любезно согласился отвезти нас в Масинди в своей машине. В нее уселись его очаровательная супруга, мисс Мэри и я. Мы мысленно готовились к 53-мильной поездке без каких-либо спиртных или других напитков. Это была самая долгая поездка в моей жизни, и я уверен, что и мисс Мэри она не показалась короткой. Я даже сказал ей:

— Мисс Мэри, как ты думаешь, в силах мы будем доехать, так и не остановившись в каком-нибудь приятном ресторанчике или дукка[1], чтобы выпить по маленькой? Кстати, по обычаю человеку «Н'деге» дают одну-две унции виски, предпочтительно бурбона[2], после аварии или пожара самолета, если самолет разбился или сгорел на дружественном аэродроме.

— Папа,— ответила мисс Мэри,— я выдержу, если выдержишь ты, но это трудно.

Мы пожали друг другу непострадавшие при катастрофах руки и тронулись в путь.

Перевели с английского
Ю. ВИНОГРАДОВ и В. СУХОДРЕВ.

(Окончание следует.)

[1] Tasker (англ.) — слон с бивнями.

[1] Искаженное «дуккан» (ост-инд.) — лавка, корчма.

[2] Американское виски.

Загадка северного карбаса

Б. ГРИГОРЬЕВ

Фото Г. КОПОСОВА.

ОТКУДА ПРИШЕЛ ОН? МОЖНО ЛИ ЧТО-НИБУДЬ СКАЗАТЬ О ТОМ ХУДОЖНИКЕ, КОТОРЫЙ ВОПЛОТИЛ ЕГО В КАМНЕ?

Время не щадило камень, но и сегодня на нем отчетливо видна высеченная тысячелетия назад рыбацкая лодка — карбас. Ее нос украшен головой лося. Двадцать гребцов напрягают весла. Карбас идет наперерез бегущим оленям.

ПО СЛЕДАМ БЕСА

Несколько лет назад А. М. Линевский, писатель, этнограф и археолог, а в те времена еще только студент Ленинградского университета, приехал на Север с этнографической экспедицией. На Белом море, в деревне Выгостров, познакомился он с Григорием Павловичем Матросовым, рыбаком и охотником. Это была счастливая встреча: Матросов показал студенту удивительную гранитную скалу на маленьком острове. Рядом шумел свирепый водопад Шойрукша. Грохотала вода, ударяясь о подводные глыбы, рваные клочья пены залетали на скалу. На ее влажной поверхности рельефно блестели узкие канавки линий.

Вся скала была покрыта рисунками, выбитыми на граните. В центре их было так много, что, казалось, даже ладонь нельзя вместить между фигурами этого фантастического хоровода. Полуметровое изображение мускулистой мужской фигуры сразу обращало на себя внимание. Растопыренные пальцы руки, громадная ступня ноги, непонятный хохолок на голове, динамичная поза сообщали изображению силу и загадочность. Линевский назвал его бесом.

К «бесу» вели каменные следы, словно когда-то скала была мягкой и кто-то громадный босой прошел по ней. А вокруг следов (на рисунках) человек гарпунил рыбу, охотился на оленей. Непугаными плыли по камню лебеди, вереницей шагали длинные лоси, и звездочки снежинок, выбитые в камне, лежали на их пути.

Линевский назвал скалу «Бесовыми следками».

Изучать «Бесовы следки» приехала экспедиция во главе с видным советским археологом В. И. Равдоникасом. Но их ждала новая находка. В. И. Равдоникас обнаружил еще неизвестные петроглифы — шедевр неолитической камнеписи в Европе. Ученые назвали их петроглифами Залавруги, по имени одного из многочисленных рукавов порожистой реки Выг, который огибает эту скалу.

Художник Залавруги был дерзновенным творцом. Ему были под силу сложные, многофигурные композиции, которых не найдешь ни на «Бесовых следках», ни среди петроглифов Восточной Онеги. Фактически это не просто изолированные фигуры — это своеобразные рассказы в картинках. Если онежские петроглифы лишь букварь каменного письма, то в петроглифах Залавруги созданы целые повести. Одна из них — битва лыжников с мореходами, история о том, как чужое племя на лодках пришло к жителям Залавруги не с добрыми намерениями и ушло от них с позором. Изображение лыжников в этой истории — древнейшее в мире.

Но самое интересное в петроглифах Залавруги — сцена загона оленей и лосей. Почти идеально соблюдены все пропорции тела животных, с чувством пространства скомпонованы их фигуры, точными линиями передано движение. Наперерез животным идет сплошная цепь лодок... Загон в разгаре. Много людей участвует в нем: по двадцать, тридцать гребцов сидят в каждом из карбасов. Откуда пришли эти карбасы? И можно ли что-нибудь сказать о том, безусловно, гениальном художнике, который воплотил их в камне? И когда, в какие времена шли эти карбасы по Выгу наперерез оленям и лосям?

КАРБАС ПЛЫВЕТ С ВОСТОКА

Еще недавно о древнейшей истории Карелии было известно очень мало. Далекое прошлое человека изучается по вещественным источникам, а почти все карельские находки датировались поздним каменным веком — неолитом. Получалось так, что после ухода ледника пять тысяч лет пустовал этот край озер и лесов, пока появились наконец первые жители.

Они пришли, чтобы вновь покинуть эту землю через два тысячелетия — так считали археологи, не находя следов бронзового и железного веков в Карелии. Так возникла теория «хеатуса» — пробела, перерыва в заселении Карелии.

Шведский ученый Р. Сернандер предположил даже, что такой перерыв был связан с климатической катастрофой: внезапно наступившие лютые зимы, нескончаемые весенние и осенние ливни выгнали людей за пределы Карелии. Диким, глухим закоулком Европы рисовалась Карелия ученым, и не удивительно, что в этой суровой глуши не могло самостоятельно развиваться искусство каменного века.

Но оказалось, что пробел существовал не в заселении Карелии, а лишь в наших знаниях. Пробел этот ликвидировали советские археологи, и в том числе недавние раскопки археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР.

Когда были обработаны все сотни тысяч находок, в том числе и находки неутомимого следопыта Г. А. Панкрушева, которые вы видите на вкладке, когда на карту были нанесены места вновь обнаруженных стоянок, когда дали свои ответы геология, минералогия, атомная физика, когда были сделаны все сопоставления, «глухой» тупик Северо-Восточной Европы превратился в одну из центральных ее магистралей.

Оказалось, что Карелия была заселена почти десять тысяч лет назад — сразу после ухода ледника.

Первые переселенцы прибыли в Карелию с Урала и Западной Сибири. Сразу, а может быть, немного позже, часть пришельцев перебралась в район нынешней Финляндии. Потомки уральцев и сибиряков обитали в Карелии на всем протяжении ее истории и не покидали эту землю, богатую зверем, дичью, рыбой и лесом.

Позже в Карелию начали проникать новые переселенцы с обширной равнины, зажатой между Окой и Волгой. Сперва их было немного, затем из этих мест хлынула на Север людская волна, захватывая на пути жителей с территорий нынешних Новгородской и Вологодской областей.

Шли годы, сменялись поколения. Четыре тысячи лет назад сложилась единая культура этого озерного края.

Петроглифы Онежского озера и Беломорья — памятники этой культуры. Морской и озерный бесы — скорее всего ровесники: им исполнилось по четыре тысячи лет.

Мореходы в каменном карбасе Залавруги, найденные сравнительно недавно, моложе лет на пятьсот или на тысячу.

...Обычно точку ставят в конце. Древние художники Карелии начинали с точки. К камню подходил закутанный в шкуры человек. Природа наградила его зорким глазом, искусными руками, пылким воображением и еще многим другим, что в сплаве своем составляет талант. Человек держал заостренный камень, который он выбирал так же придирчиво, как живописец наших дней отбирает себе кисть. Камень приложен к гранитной плите, удар — и свежесколотая точка забелела на сером фоне. Рядом с ней следующая. Точки сливались в линии. Медленно возникал рисунок. Еще и сегодня, если провести рукой по контуру рисунка, под пальцами пройдут эти выбоины-точки, с которых начиналось искусство каменного века.

Только ли жажда творчества вела человека к камню, обрекала его на долгий и тяжелый труд?

Линевский рассматривает десятикилометровую полосу от Карецкого до Гажьего мыса, «Бесовы следки» и Залавругу как древние охотничьи угодья. Здесь наши дальние предки, собираясь на охоту, изображали на камне свою будущую добычу, грядущие охотничьи удачи.

Большой карбас выбивал на граните художник, чтобы карбасу было счастливое плавание. Может быть, еще накануне сам он каменным топором ладил борта к долбленому днищу настоящего карбаса, головой лося украшал лодку.

Искусные мастера, смелые мореходцы, ловкие охотники, дерзновенные художники — такими представляешь себе наших далеких предков, когда рассматриваешь каменные плиты беломорских петроглифов.

ДИКАРЬ ЕДЕТ В АВТОБУСЕ

Речь пойдет не о человеке, одетом в шкуры зверей, который на своем карбасе осторожно подходил к «Бесовым следкам». Приходится говорить, к сожалению, о том, кого подвозит к самому камню автобус. Рядом с удивительными творениями безвестных художников он тут же, на камне, поперек рисунков отстукивает свои инициалы: знай, мол, наших!

Так изуродованы некоторые петроглифы «Бесова носа», «Бесовых следков», только Залавруга пока уцелела, потому что она дальше всех памятников, и быстрый поток защищает ее от непрошеных гостей. Но даже плитам Залавруги не укрыться от времени, от разрушительных сил природы.

Когда-то люди верили, что камень защитит их от бед и напастей, теперь люди сами должны защитить камень.

В управлении строительства Выгских ГЭС нам показали проект павильона над наскальными изображениями «Бесовых следков», разработанный архитектором И. Г. Старченко.

Строгой формы лестница ведет на площадку перед входом в прямоугольную коробку. Полностью остеклена передняя стена павильона. Стекло открывает вид на остров, где, может быть, жили в прошлом безвестные создатели петроглифов. Здесь же, в павильоне, в небольшой галерее, — орудия их творчества, предметы их быта.

Рядом с павильоном здание Выгской ГЭС. От «Бесовых следков» до стены ГЭС — вся история человечества. И наскальные рисунки и дамба ГЭС — порождение человеческого ума, фантазии, гения... Это должно вызывать законное чувство гордости. Нет, павильон нужно обязательно построить, драгоценные памятники древности сохранить! А те сравнительно небольшие затраты, которые понадобятся, можно вполне окупить открытием новых туристских маршрутов, потому что друзей у археологии великое множество.

Неолитическая ваза.

Древнейшее в мире изображение лыжников.

Узоры древних черепков подскажут археологу возраст керамической посуды. →

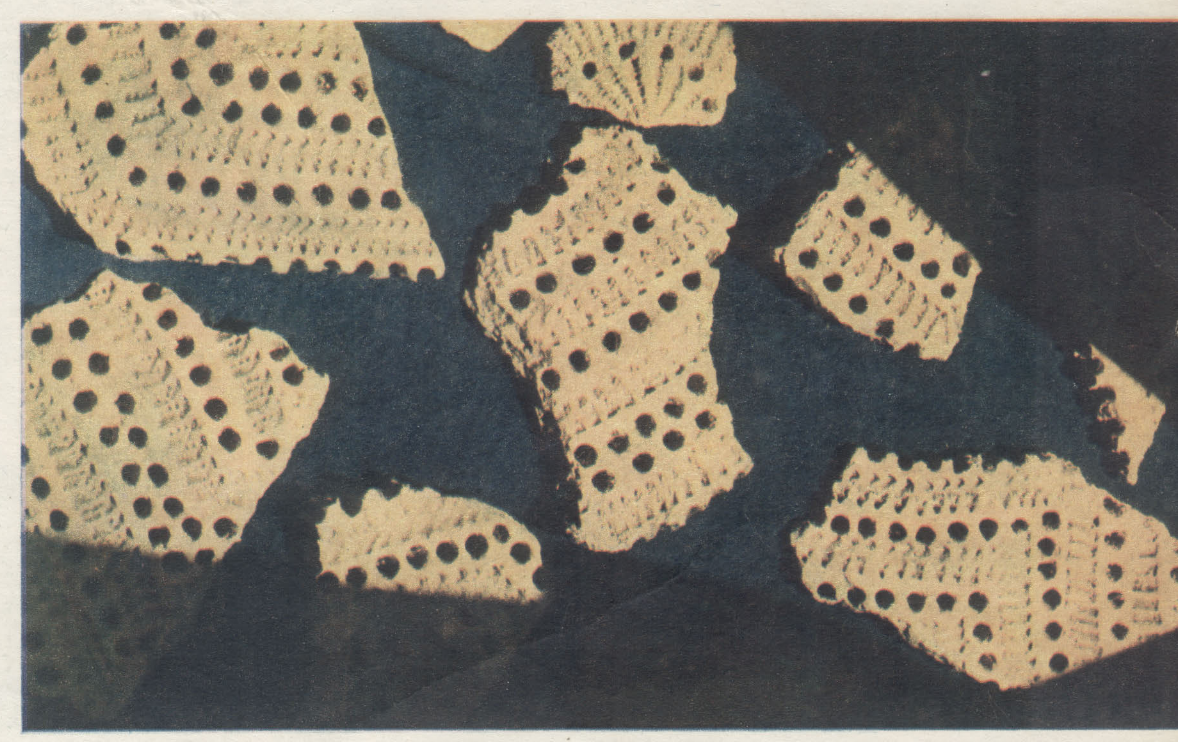
Неосторожная хозяйка в каменном веке разбила сосуд. Реставрировали его археологи совсем недавно.

Находки карельских археологов. Самому молодому из этих предметов не меньше трех тысяч лет.

По следам древнейшего человека шагает Г. А. Панкрушев.

В глубь времен. Раскопки ведутся на месте большого строения древних.

кали на Вилюе, место для ныне строящейся там гидростанции.

Я бывал на стройке, и у нас, естественно, нашлось много общих знакомых.

— А не кажется ли знакомой вам и эта лодка? — вдруг спросил Василий Прокофьевич.— Да, вот эта самая?

Я внимательно приглядываюсь к лодке, в которой сижу, вспоминаю Вилюй. Да, точно на такой же лодке ходили мы вверх и вниз от створа гидростанции по Вилюю.

Лопатин рассказывает, как поначалу на Вилюе не было у них «никакого водного транспорта» и как он собственноручно смастерил две вот такие лодки.

Вы, может, подумали, что Лопатин — плотник? Нет, Лопатин — гидролог.

Тут к месту, наверное, будет пояснить, что теперь все партии, ведущие изыскания по рекам, делаются комплексными. Чтобы по окончании изысканий картина была полной, геологи, прощупывающие в районе будущих сооружений грунт, работают обязательно вместе с геодезистами и гидрологами.

На Печоре — большая экспедиция, состоящая из двух партий: одна, здешняя, базируется непосредственно на Печоре, вторая — в бассейне Вычегды.

Почему Вычегды, спросите вы. А вот почему.

Если мы взглянем на карту, то увидим, что Печора находится довольно далеко от Камы (а в Волгу она может попасть только через Каму). Поэтому проектом предусматривается в качестве связующего звена использовать находящуюся как бы посредине между бассейном Печоры и бассейном Камы реку Вычегду. На севере Вычегда будет соединена каналом с Печорой, а на юге — с Камой.

Я думаю, не надо пояснять, что Вычегда с ее многочисленными притоками — это не только связующее звено, но еще и большая вода, хорошее, так сказать, приложение к Печоре.

На Вычегде, около Усть-Кулома, будет сооружен мощный гидроузел. Печору около Усть-Вои планируется перекрыть глухой плотиной без гидроузла. Несмотря на колоссальные размеры плотины, стоимость всех работ, как подсчитали специалисты, полностью окупится в несколько лет от одной только экономии на сплаве леса.

А теперь вернемся к Лопатину. Он старший гидролог Усть-Войской партии. В задачу группы гидрологов, которую он возглавляет, входит исследование речных глубин, скорости течения и прочей водяной премудрости, которую необходимо знать проектировщикам.

Беломорские петроглифы. Так раскрашивают их археологи, когда переносят эти рисунки к себе в альбом. Может быть, именно так выглядел окрашенный охрой камень тысячелетия назад.

Сейчас мы идем к месту створа Усть-Войской плотины. Василию Прокофьевичу требуются какие-то уточнения левого берега в месте створа.

Печорские берега здесь невысоки. Кое-где они подступают к воде желтыми песчано-глинистыми осыпями, кое-где каменисты, а больше лесисты, кудряво-зелены.

Лопатин с рабочими обследует сначала левый берег, потом правый, снова перебирается на левый и, каждый раз останавливая лодку посреди реки, делает какие-то замеры.

Работает Василий Прокофьевич истово, обстоятельно. Мне потом не раз и за самыми разными делами придется наблюдать его, и каждый раз я буду замечать вот эту обстоятельность, каждый раз я буду видеть добротность, надежность сделанного.

Среднего роста, крепкий, мускулистый, Лопатин в любом деле, в любых обстоятельствах чувствует себя как-то очень уверенно, деловито-спокойно. Вот и сейчас он успевает и с лодкой очень ловко управляться, и команды рабочим на берегу отдавать, и, когда что-то там с чем-то совмещается, нужные замеры на воде делать.

Гидрологи работают до самого вечера. А вечером мы в той же лодке возвращаемся в Усть-Вою — это около десяти километров вниз по Печоре.

Усть-Воя — селение небольшое, и никаких гостиниц здесь, конечно, нет. Ночую я в конторе, или, скажем по-другому, более звучно, в штабе партии, в доме на самом берегу Печоры. В этом же доме, в другой половине его, живет и Лопатин.

За домом — огородик: лук, морковь, редиска. А на всех подоконниках в продолговатых ящиках зреют, наливаются солнцем помидоры; сочные стебли и листья их почти до самого верха закрывают все окна.

На все руки, как видите, этот Лопатин. Садимся за стол.

— Вам это, конечно, не в диковину,— говорит Василий Прокофьевич, нарезая в тарелку только что, вот сию минуту, на моих глазах, сорванные с куста помидоры и делая вид, что и для него тоже это не такая уж невидаль, хотя и он сам и я прекрасно понимаем, что спелые помидоры в конце июня за шестьдесят четвертой параллелью, то есть у Полярного круга, конечно же, диковина, да еще какая!

После ужина мы выходим на крыльцо.

Дом стоит над обрывом. Прямо внизу стынет, стекленеет под затухающим закатным небом широкая речная голубень, а за ней безбрежно, кажется, что до самого океана, простерлись синеватые, по-вечернему смутные и оттого таинственно-загадочные лесные дали.

Время позднее, пора спать. Но мы еще долго сидим на крыльце и глядим на засыпающую, светлую под белым северным небом реку.

Тамара-геологиня

— Познакомьтесь с нашей геологиней: Тамара Петровна Скрябнева.— Василий Цехмистер улыбается, довольный удавшейся шуткой.

«Геологиня» косится на Цехмистера, не понимая, что это так развеселило технорука. Она не знает, что накануне на мой вопрос: «А кто старший геолог партии?»— Цехмистер вполне серьезно (теперь я припоминаю, что даже слишком серьезно) ответил: «В здешней партии — геологиня. Могучая такая женщина. Говорит басом. Завтра увидишь: нынче она на дальней буровой».

И вот передо мной стоит отнюдь не высокого, пожалуй, даже ниже среднего роста худенькая девушка в синей юбке и шелковой кофточке с коротким рукавом. Веселая, улыбчивая, в голосе ничего похожего на бас.

— Что вас интересует? — подчеркнуто деловито спрашивает она.

Я говорю, что никаких вопросов задавать ей не собираюсь. Просто мне бы хотелось поглядеть на работу геологов партии. Тамара Петровна, наверное, и сегодня собирается на буровые, вот и хотелось бы побывать на них вместе с ней.

Предложение принимается, и на первой же попутной машине мы едем на буровые установки.

Скважины раскиданы по левому берегу Печоры, по большей части далеко от реки, в глубине леса. По лесу — он тут почти целиком хвойный: ель да сосна — серыми змеями вьются во все стороны дороги, слышится рев тракторных моторов, людские голоса. Здесь же, в лесу, раскинулся и полевой (точнее бы сказать, лесной) стан разведчиков — около десятка деревянных и цельнометаллических балков — передвижных домиков на полозьях.

Следует сказать, наверное, зачем ведутся буровые работы, какова их цель.

Василий Прокофьевич Лопатин.

Тамара Скрябнева.

Усть-Войская плотина будет безбетонной. Ее предполагается намыть из грунта. Материала для намыва, то есть вот этого самого грунта, потребуется на двенадцатикилометровую плотину, по некоторым подсчетам, двести, по некоторым,— только сто пятьдесят миллионов кубов. Согласитесь, что любая из этих цифр достаточно внушительна: счет идет не на сотни и даже не на тысячи, а на миллионы. Эти миллионы надо где-то взять. Вот их изысканием буровики как раз и занимаются.

...Мы на ближней от стана буровой.

— Наша задача,— поясняет Тамара,— добраться до так называемых коренных пород. Как доберемся — все, конец. Коренные породы нас не интересуют, так как в дело не идут. Нам важно знать, сколько может здесь взять грунта землесос.

Тамара осматривает последние, свежие пробы пород, и мы направляемся на следующую буровую. Тамара говорит, что сейчас они «идут по восьмисотметровой сетке», то есть, иначе говоря, берег, вот весь этот лес, разбит на восьмисотметровые квадраты и на каждом квадрате закладывается скважина. Потом пойдут по четырехсотметровой.

Послышался шум дизеля, а вот сквозь деревья показалась и буровая. Здесь грунты более тяжелые, потому тут и более мощный станок: его бур опускается и поднимается с помощью электромоторов.

Сменные мастера на этой установке — Иван Лебедев и Сергей Дубицкий. Сильные ребята, работают сосредоточенно, никуда и ни на что не отвлекаясь. Под кожей ходят, перекатываются тугие узлы мускулов, глаза глядят только на бур, только на механизмы и никуда больше. Работа серьезная, тяжелая. Вот поднята из скважины гильза — большой стальной цилиндр, плотно забитый породой. Чтобы вышибить породу из гильзы, один из буровиков бьет по ней тяжелой кувалдой. Работа в какой-то мере даже опасная. Не зевай, не мешкай, а то, гляди, или тросом заденет, или еще чем стукнет.

Об этом-то — о тяжелом труде изыскателя — зашел у нас с Тамарой разговор, когда мы возвращались под вечер в Усть-Вою.

По правде сказать, завел этот разговор я. Мне хотелось узнать, чем же нравится (а может, и не очень нравится) Тамаре эта тяжелая, скорее мужская, чем женская работа.

Вчера я вот так же целый день ходил по рабочим объектам буровиков с Василием Максимовичем Цехмистером, но такого вопроса у меня почему-то не возникло.

Максимыч, как его все тут зовут, окончил московский геолого-разведочный, затем, как я уже упоминал, работал на Вилюе, теперь здесь. Никогда не унывающий, светловолосый красавец парень с хитроватым прищуром глаз и мягким украинским выговором, Максимыч, казалось, был и рожден геологом-изыскателем.

Вместе с Максимычем окончили тот же институт начальник экспедиции Лев Рабинович, технорук буровых работ здешней партии Владимир Швецов (об этом я узнал вчера на партсобрании, где Рабиновича принимали в партию). И для меня как-то очень естественным показалось, что ребята учились вместе, хоть и на разных курсах, а теперь вот вместе работают.

Про Василия Прокофьевича я уж не говорю. Мне даже трудно

представить его где-то еще, на каком-то другом месте, а не в геологической партии. Скажу больше: мне трудно представить изыскательскую партию без таких вот Лопатиных, которые все умеют и которые — случись такое! — даже на необитаемом острове проживут припеваючи, не хуже любого Робинзона.

Но что, что позвало в таежные дебри эту худенькую девушку, чем таким привлекла ее нелегкая, полная лишений жизнь изыскателя?

Я не стал задавать Тамаре никаких наводящих вопросов. Интересно было услышать, что скажет она сама.

— Честно признаться, я даже как-то и не задумывалась над этим. Выросла я в деревне под Сызранью, где, как известно, ни тайги, ничего такого нет, а еще с детства — да, с самого детства! — как-то уже не представляла, что могу заниматься чем-то еще, а не геологией.

Тамара улыбнулась, не глядя на меня, должно быть, своим мыслям.

— А может, именно потому, что ни тайги, ничего нехоженого вокруг не было, мне и захотелось побывать в таких вот далеких, глухих местах. Школу окончила с медалью, так что могла пойти в любой институт. Не раздумывая, пошла на геофак МГУ. И потом все было так, как мечталось-думалось, безо всяких там, ну, что ли, романтических неожиданностей. На первой же практике уже работала геологом...

Тут Тамара объяснила, что чаще всего практикантов берут в партию коллекторами. А бывает, что и по окончании учебы в такой должности первое время ходят.

— Мне повезло. Сразу же пошла геологом по Ангаре. Потом — Витим. Более четырехсот километров прошли мы по нему, по диким, малонаселенным местам. И вспомнить — ой, тяжело было! Так тяжело, что в другой раз впору бы плакать. Да и вообще одно слово — походная жизнь: и ешь что придется и спишь где попало. Но...— Тут Тамара опять улыбнулась.— Но затягивает! Как зараза. Незаметно-незаметно, а затягивает. И я, наверное, заразилась уже на всю жизнь. И раньше свое будущее не представляла без геологии, а теперь и подавно не могу представить, как это вдруг занимаюсь каким-то другим делом... Вот и все, наверное.

А может, она за трудностями и не видит в своем деле никакой романтики? Может, она попросту лишена этого высокого чувства? Вряд ли. Мне лично не верится. Всего скорее, у геологини Тамары, наверное, свое, особое отношение, свой, особый взгляд на романтику. Тем более что, как говорил мой сосед по каюте на «Печоре» старый изыскатель Степан Петрович — помните? — романтика бывает разная: розовая, книжная и живая...

Я привел только самое начало этого разговора. Теперь, наверное, будет кстати вспомнить и его продолжение.

Что есть романтика!

— Судя по всему, тебе еще не приходилось в тайге комара кормить? — спросил тогда Степан Петрович Виктора.

— Не приходилось,— признался тот.

— И вот я ли скажу тебе, например, в книжке ли ты прочитаешь: нас донимала мошкара. Или целый день лил дождь. Что ты из этих слов увидишь?

— Ну, дождь увижу,— не очень уверенно ответил будущий геолог.— Мошкару увижу.

— И все. А если я еще добавлю, что во время дождя мы сидели в палатке, а кругом шумела вековая тайга, да в красках ту тайгу тебе опишу, ты, пожалуй, про дождь и забудешь совсем. И другое дело, если ты о дожде не в книжке прочитаешь и даже не из палаточного окошка на него поглядишь, а целый день он тебя мочить будет. Минута за минутой, час за часом — целый день напролет. И еще ладно, только один день, а если два и три? Тут уж может получиться наоборот. За тем дождем ты не только никаких таежных красот не увидишь — до них ли, когда в сапогах чавкает, табак размок, спички отсырели! — а еще в сердцах и помянешь тайгу крепким словом... Про мошкару я промолчу: это, может, похуже дождя...

Тут, помнится, Степан Петрович и в самом деле умолк, заглядевшись на такое же вот огромное и мохнатое закатное солнце, какое сейчас открылось нам с Тамарой с берега Печоры. Дотронувшись нижним краем до дремучих заречных лесов, оно как бы замерло на какое-то время, а потом начало медленно тонуть-тонуть в них, расстилая по реке последние лучи.

— И вот когда ты все эти прелести на собственной шкуре испытаешь,— минуту спустя продолжал Степан Петрович,— да вдобавок к ним еще и не раз померзнешь да поголодаешь в тайге, тогда и надо посмотреть, много ли у тебя от той книжной романтики останется. Кое у кого розовая пена сходит начисто и остается только одно: тяжело. И все. Если же ни дождь, ни гнус, ни дым таежных костров любви к делу, за которое ты взялся, от тебя не застелет, если ты уже и знать будешь, какое оно тяжелое и трудное, а тебя все равно тянуть будет, значит, ты настоящей, взаправдашней романтикой заразился...

Чтобы не быть заподозренным в каких-то натяжках, очень не хотелось мне употреблять слово «заразился», да что поделать, именно так сказал Степан Петрович. К тому же ничего «символического» в совпадении этих слов у молодой геологини и старого геолога видеть я не собираюсь. Просто они, наверное, более-менее одинаково думают, одинаково серьезно относятся к своей профессии.

Мне они даже кажутся чем-то похожими друг на друга, хотя, сами понимаете, ни о какой внешней похожести не может быть и речи. Похожим на них мне представляется и Василий Прокофьевич Лопатин, а ведь даже из того малого, что я вам рассказал про этих людей, вы, наверное, увидели, как они в то же время и непохожи друг на друга. И характеры разные и возраст неодинаковый. Роднит их, видимо, главное: отношение к своему делу. А когда такое родство налицо, стоит ли удивляться каким-то совпадениям в словах или даже в образе мыслей!

Когда мы уже пришли в Усть-Вою и сидели у штабного домика над обрывом, Тамара, как бы возвращаясь к нашему разговору, сказала:

— Да, конечно, работа наша нелегкая, что и говорить.— Она глядела вниз на Печору, на подернутые вечерней дымкой заречные дали и говорила очень тихо, не столько, может, для меня, сколько для самой себя:— Но вот ты пришел в какое-то нехоженое, мало кому известное место, пришел первым, что-то узнал, что-то разведал, а после тебя придут другие люди и что-то построят. И никто, конечно, знать не будет, что и твоя частичка тут есть. Но это, наверное, и не самое главное. Важно, что ты сам это знать будешь. Плохо ведь, я думаю, если ты жизнь проживешь, а оглянуться не на что, вспомнить нечего. Плохо, если жизнь прожил, а людям после себя ничего, даже никакой малости не оставил!..

Не благодаря ли тому, что каждое уходящее поколение что-то оставляло грядущему, существует на земле цивилизация и человек, не так уж давно, в сущности, поднявшись с четверенек и впервые увидев звезды, ныне, преодолев земное притяжение, уже взмыл к тем далеким звездам?

Я назвал свои заметки «Вниз по Печоре в... Каспий». Сделано это было, как теперь ясно, не для красного словца, не для того, чтобы ошеломить читателя.

Да, пока что, идя вниз по Печоре, можно попасть только в Ледовитый океан. Но настанет время — и не так уж далеко оно,— когда, отправившись от селения Усть-Воя вниз по Печоре в одну сторону, вы попадете в Ледовитый океан, а отправившись в другую,— попадете из Печоры в Вычегду, из Вычегды — в Каму, а значит, и в Волгу. Волга же, как это известно даже школьникам самых младших классов, впадает в Каспийское море.

И когда вы отправитесь в такое путешествие, то, любуясь живописными берегами прекрасных рек, вспомните и о людях, которые пришли сюда первыми, чтобы соединить эти реки. А заодно и полюбопытствуйте, как Печора не только понесет на своих могучих плечах ваше судно, но еще и «попутно» будет работать, проходя через каскад гидростанций на Каме и Волге, поглядите, как обрадуется холодной печорской воде мелеющий Каспий.

Впрочем, когда она дойдет до Каспия, ее уже нелегко будет отличить от камской и волжской. Но это, наверное, не так уж и важно. Вы-то ведь будете знать и старый Каспий будет знать, что в него вместе с матушкой-Волгой течет и северянка Печора.

Варпет

Лия ОСИПОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Телефонный звонок в Ереван:

— Пожалуйста, квартиру Папазяна!

— Какого Папазяна?..

Следуют недолгие разъяснения, и в голосе телефонистки сразу исчезает служебная сухость.

— Ах, нужен Варпет! Соединяю...

Варпет. Смысл слова стал ясен мне уже позднее. В точном переводе это значит мастер, мэтр. Так с давних времен звали в Армении людей, не наделенных никакими чинами, но почитаемых выше князей и знати, потому что люди эти отдавали свое вдохновение и труд народу, а почет — своей родине.

Всему миру известен замечательный трагический актер, народный артист Ваграм Папазян.

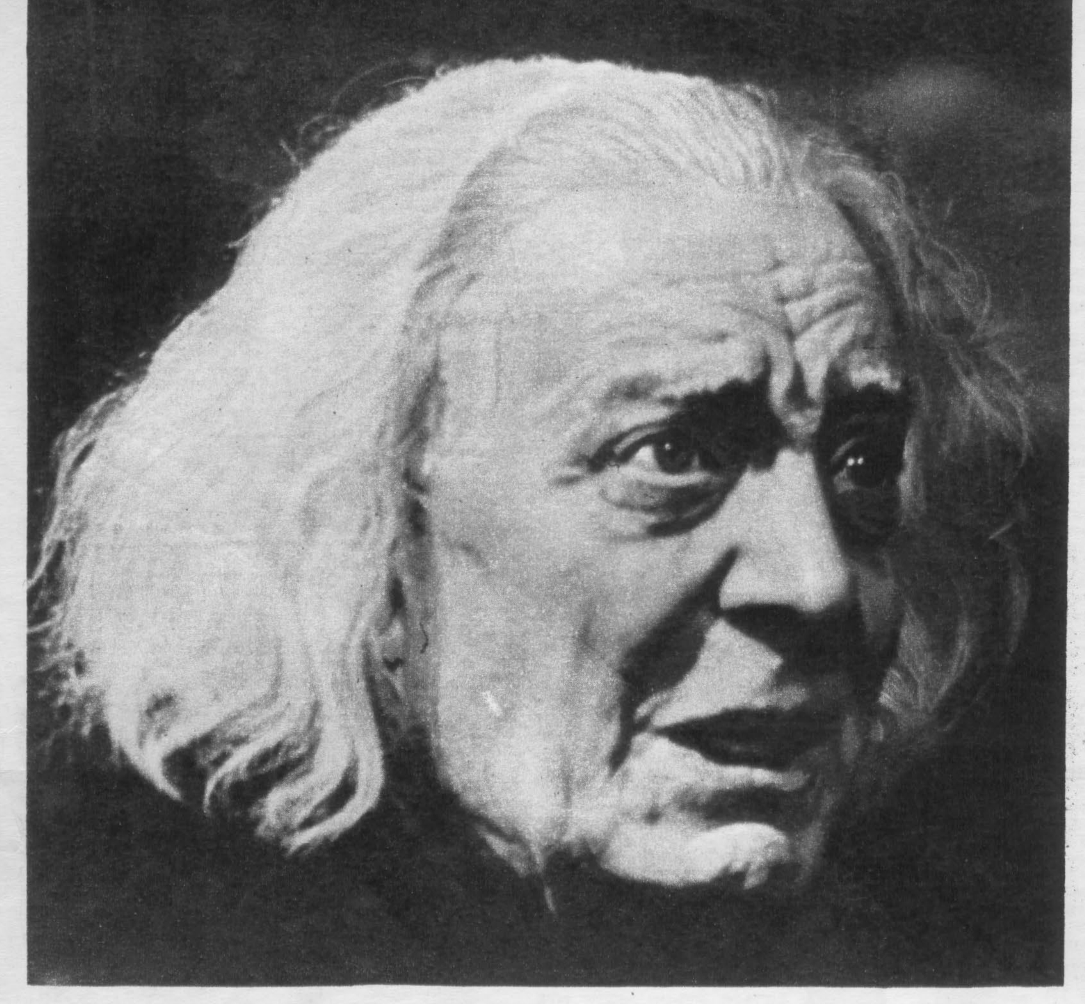
Как складывается его жизнь и работа в театре сегодня?

...И вот я в ереванской квартире Папазяна. Пью удивительный по вкусу кофе, приготовленный самим хозяином. Еще в Москве меня предупреждали: от кофе не отказывайся, его делает Папазян на уровне своего «Отелло». Я говорю об этом Ваграму Камеровичу, и он от души смеется.

Артист, чье семидесятипятилетие отмечается в этом году, очень подвижен, как-то похорошему собран и поражает своей сердечной простотой. И все у него здесь, в его жилище, очень просто. Нет дорогой мебели, никаких сувениров и антикварных вещей, столь частых в домах знаменитостей, никаких украшений.

— Знаете, как говорили древние: omnia mea mecum porto — все мое ношу с собой.

В глазах Папазяна веселые искорки, и не

Ваграм Папазян в роли Мак-Грегора.

Он родился в армянской семье в Константинополе, учился в Италии, начал гастролировать в крупнейших театральных антрепризах Европы. Был учеником Эрмете Новелли, Цаккони, Элеоноры Дузе, Сары Бернар. Но он рвался к родному народу, не мог жить без него. И, путешествуя, всегда думал о Родине.

Первые фотографии, сделанные в России, относятся к 1922 году. Да, именно в это время, когда часть интеллигенции, напуганная голодом, разрухой, неизвестным будущим, бежала за границу, Папазян принял советское гражданство и пошел вместе с революционным народом.

Вот несколько пожелтевших, явно любительских снимков, сделанных, очевидно, после спектаклей. Размашистым почерком Папазяна помечено: «Отелло» в Моршанске» или «Бердичев...». В каких только углах России не побывал на гастролях артист: Сучан, Великие Луки, Боровичи, Чита, Сковородино, Шимановск...

— Если хотите, таково мое жизненное кредо,— говорит Ваграм Камерович.— Актер должен непрерывно находиться в водовороте жизни. От этого интеллект и эмоциональность его становятся напряженнее и богаче. И только так можно ощутить до конца свое человеческое назначение: идти в жизнь, воздействовать искусством на внутренний мир даже самых неискушенных зрителей.

Говоря это, Папазян волнуется и горячится, будто спорит с невидимым противником.

Сцена из спектакля.

сразу поймешь, шутит ли он или говорит серьезно.

— Нет, я, конечно, не достиг идеала древних, но лучше всего я чувствую себя в пути. Всю жизнь я в пути. И скажу по секрету: очень боюсь людей, которые прочитали только одну книгу, ездили только по одному маршруту и только однажды... любили.— И Папазян заразительно хохочет.

В наш разговор то и дело врываются телефонные звонки. Потом приходят люди из театра. Ваграм Камерович извиняется: «Дела не ждут»,— и подвигает мне папку с фотографиями.

Кусочки картона открывают передо мной историю жизни, совершенно фантастическую. Эта жизнь вобрала в себя целую эпоху в истории театра.

Вот давние фотографии. Папазян в роли Гамлета, Ромео, Уриеля Акосты, Армана Дюваля в «Даме с камелиями» и, конечно, Отелло. Образ этот как бы стал вторым «я» актера, его тенью. Разбирая подписи под фото, мысленно совершаешь кругосветное путешествие: Константинополь, Рим, Алжир, Тифлис, Париж, Лондон, Венеция, Москва, Ленинград...

Причудливо складывалась судьба артиста. Впрочем, это действительно так. Ведь до сих пор еще находятся критики и театроведы, произносящие слово «гастролер» с явно иронической интонацией. Они не могут поставить себя на место жителей тех самых маленьких городов, которые вдруг в один из счастливых дней своей жизни получили возможность насладиться игрой крупнейшего актера мира.

* * *

На следующий день Папазян позвонил рано утром: сегодня коллектив театра выез-

КАК ПОПАСТЬ В ШЕСТЕРКУ?

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Для шахматистов старт обычно не имеет столь большого значения, как, скажем, для бегуна или конькобежца, где решают доли секунды. Но на сей раз при неудачном старте на чемпионате СССР шахматисту трудно было рассчитывать на счастливый финиш, на счастливое попадание. Попадание, говорю я, потому что все участники XXXI чемпионата мечтали попасть в шестерку. Уже 7-е место лишает их права участвовать в борьбе за титул чемпиона мира.

И все же, несмотря на все эти дополнительные расчеты, старт был вялый, осторожный, и в Ленинграде говорили о «ничейном ветре», «ничейном вирусе», который проник в Дом культуры имени первой пятилетки. После 40 сыгранных партий счет был 29 : 11 «в пользу» ничьих! Исключением был лишь А. Суэтин. Он победил Д. Бронштейна. Московский гроссмейстер предсказал: «Кто у меня выиграет, тот должен стать лидером». Так и случилось. А. Суэтин прибавил еще одну победу над В. Осносом, а в 5-м туре выиграл у С. Фурмана. Так мастер А. Суэтин захватил лидерство и приз Ленинградского шахматного клуба «за лучший результат в первых пяти турах»: 4 очка.

Гроссмейстеры, где вы? Вас тут столько, а во главе турнира стал мастер! Гроссмейстеры слегка краснели от стыда, но постепенно набирали скорость, правда, далеко не все. Споткнулся на старте еще раз Д. Бронштейн. Известно, что он всегда за оригинальную игру и поэтому часто над первыми ходами думает минут 20—25! В партии с Л. Полугаевским он над 10-м ходом продумал 1 час 19 минут! В 8-м туре Д. Бронштейн в напряженнейшей партии победил М. Тайманова и имел уже 50 процентов возможных очков — столько же, если бы сделал 8 ничьих. Но Бронштейн такую тактику не признает и считает, что обязан в каждой партии что-то показать. Ну, что же, публика не в претензии к Д. Бронштейну.

После первых туров определилась целая группа участников с одними половинками. Последним могиканом в этой «ничейной бригаде» являлся Л. Штейн, очень стремительный по стилю игры шахматист. Но как ни «крутись», а результат у него пока что таков: после 10 туров — 9 ничьих и один выигрыш.

«Проблема Суэтина» была решена в седьмом и восьмом турах: киевлянин З. Гуфельд выручил гроссмейстеров тем, что нанес ему первое поражение. На следующий день Р. Холмов еще разочек «обидел» минского мастера, и теперь лидерами стали гроссмейстеры, причем сразу трое.

Основной вопрос: кто станет чемпионом страны? Москвичи и ленинградцы считают, что им станет житель этих двух крупнейших городов. За последнее время чемпионами были москвич Т. Петросян, ленинградцы Б. Спасский и В. Корчной. Но представители других городов не склоняются ни перед традициями, ни перед авторитетами. Одессит Е. Геллер и сочинский гроссмейстер Р. Холмов сохраняют все шансы на чемпионский титул.

К сожалению, в чемпионате наша могучая шахматная пятерка: Т. Петросян, М. Ботвинник, П. Керес, В. Смыслов, М. Таль — блистает своим... отсутствием. Но душа такого шахматного фанатика, как М. Таль, не выдержала, и он появился на турнире в роли зрителя. И стоило возникнуть Талю, как участники сразу забыли о том, как делается ничья! Ненавистная зрителям табличка «Ничья» в этот вечер появилась всего лишь два раза. Вовремя приехал Таль!

Увы, появление Таля не вдохновило чемпиона страны В. Корчного! Победитель Еревана и Гаваны в настоящее время не в лучшей форме. Его участие в чемпионате за несколько дней до начала было еще под сомнением. Только в 5-м туре Корчной сумел добиться первой победы и «выйти в люди». Но его встреча в 8-м туре с рижанином А. Гипслисом закончилась крахом. Уже после 22-го хода мат стал неизбежным. Положение Корчного тревожное: вряд ли он теперь думает о том, чтобы удержать свое почетное звание чемпиона СССР, ему бы попасть в шестерку!

А вот Борис Спасский благополучно преодолел ничейный кризис. В 9-м туре он выиграл у мастера В. Осноса. Вообще в этом туре гроссмейстеры разыграли своеобразный матч на 8 досках с мастерами, восстановили свое пошатнувшееся реноме и захватили прочно лидерство. Е. Геллер, Л. Полугаевский, Б. Спасский и Р. Холмов возглавили турнирную таблицу...

Днем и ночью участники чемпионата СССР думают об одном: о местах в заветной шестерке. Как попасть туда?

жает со спектаклем в Эчмиадзин. Будут играть в колхозном клубе. Может быть, мне стоит присоединиться?..

И вот мы мчимся в автобусе по загородному шоссе.

Ваграм Камерович сидит впереди у окна и отвечает на вопросы односложными фразами. Он не похож на себя вчерашнего: отчужденный, с далеким, ушедшим куда-то в глубину взглядом.

Может быть, стоит «разговорить» его? Но артисты, сидящие рядом, предупреждают: это обычное состояние Варпета перед спектаклем. Он привык на несколько часов оставаться наедине со своей ролью.

В Эчмиадзин приезжаем рано. И хотя свободного времени остается много, Ваграм Камерович, простившись до конца вечера, спешит за кулисы.

Сегодня театр показывает пьесу В. Сарояна «Мое сердце в горах». Зрительный зал заполняется медленно. Колхозники возвращаются с полей и ферм затемно, а тут надо еще зайти домой переодеться...

Спектакль идет на армянском языке, и не сразу улавливаешь для себя его сокровенный смысл. Но вот со сцены в зал льется мелодия незатейливой, но удивительно трогательной песни. В лохмотьях, играя на трубе, выходит исполненный необычайного достоинства шотландец, старый актер Мак-Грегор. Поистине прекрасен в этой роли Папазян. Вдохновенно сверкают его глубоко запавшие глаза. Он идет к людям, он несет им песню...

В спектакле заняты лучшие артисты Театра имени Сундукяна: А. Асрян, В. Вартересян, Б. Нерсесян. Режиссером В. Аджемяном продуманы все детали, прочерчен рисунок каждого образа. Но именно Папазян захватывает внимание с первых же моментов выхода на сцену.

А ведь он не делает совсем никаких усилий для того, чтобы хоть чем-то выделиться, стать заметным. Ему это не нужно. Но он выделяется: в манере двигаться, скупых жестах — тот неподражаемый артистизм, та пластичность, а главное, та масштабность, которые приковывают к себе. Надо видеть, как Папазян — Мак-Грегор пьет из кувшина большими глотками, или ест, собирая со стола крошки в ладонь, или просто смотрит на солнце, дивясь и радуясь ему...

Образ старого актера Мак-Грегора различные исполнители трактуют по-разному. Многие подчеркивают его одиночество, заброшенность. Ведь в Америке, где происходит действие пьесы, актера гложет тоска по покинутой родине. «Мое сердце в горах» — драматический и, более того, трагичный лейтмотив образа.

Папазяну, по-видимому, ближе в Мак-Грегоре иное. Вот актер слышит, как его песню поют на улице бедняки: он спускается с крыльца осторожно, боясь спугнуть свою радость. Губы у него плотно сжаты, а в глазах уже появилась надежда. Разве теперь он одинок? Разве не здесь, не в сердцах этих людей его настоящая родина? Он щедро отдает беднякам свой талант, он близок людям, и в его сердце уже не остается места тоске и отчаянию.

Мак-Грегор в исполнении Папазяна не страдалец, а мудрец, исполненный внутренней доброты и силы, человек, нужный людям...

Большие артисты пленяют нас силой своего перевоплощения, но, может быть, еще больше тем, что через образ, ставший частью их самих, умеют выразить себя, свое отношение к жизни.

В Ереван возвращались за полночь. Артисты были оживлены. Папазян шутил:

— О, сегодня и я ощутил радость успеха: во втором ряду сидел какой-то зритель, все время яблоки грыз, а потом перестал, спрятал их в карман и уже смотрел, не отрываясь. Вот это и есть успех...

* * *

Однажды после репетиции в театре Ваграм Камерович решил пройтись пешком.

Он любит спорить. Порой его мысли, полемически острые, кажутся парадоксами. Но сейчас ему не хотелось спора; он делился заветным, говорил о том, что в настоящие дни театр, по его мнению, переживает важную для себя пору. Теснимый телевидением и кино, он как будто ищет для себя новые формы. Но эти формы стары, как сам театр. Это всегда и неизменно театр Актера. Не театр внешних эффектов, блестящих режиссерских построений, сложнейших массовых сцен, а театр, где актер, как всегда, остается наедине со зрителем, где непосредственное воздействие Актера на зрителя колоссально.

— Но для этого,— считает Варпет,— нужна такая актерская школа, которая воспитывала бы прежде всего людей, а потом уже актеров.

Высоким званием Актера может быть облечен человек, богатый сердцем и умом, для которого жизнь и творчество сливаются воедино.

Ваграм Камерович считает, что главное заключено в самой потребности человека стать актером. В той потребности, которая заставляет его впитывать в себя жизнь и прекрасное, познавать человека и свой народ.

— Для меня творчество и жизнь всегда были едины...

Кто-то из прохожих, сняв шляпу, кланяется Ваграму Камеровичу, и он отвечает поклоном. Я спрашиваю: кто это?

— Не знаю,— отвечает Варпет.— Просто человек.

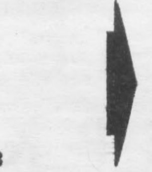
Альпы — Сьерра-Невада — Альпы

В. ВИКТОРОВ

Фото М. Боташева.

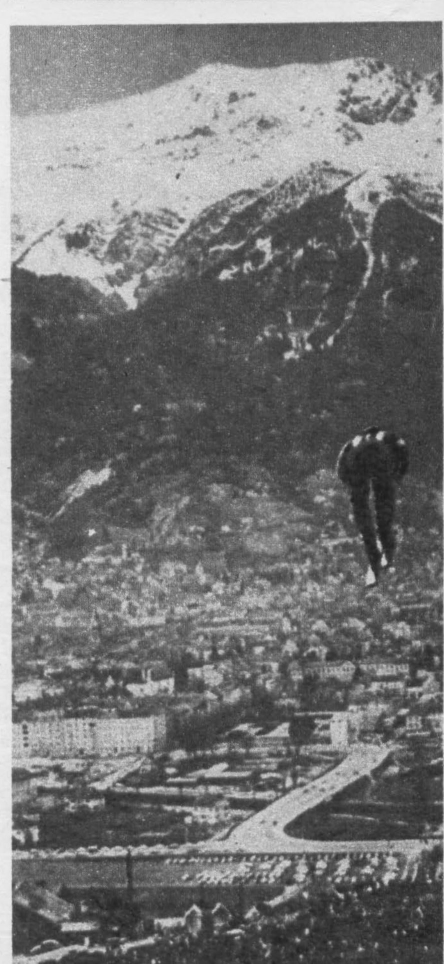

Высокогорный итальянский городок Кортина д'Ампеццо очень популярен среди любителей природы, со всех концов света они съезжаются туда полюбоваться красными пиками Доломитовых Альп. Но зимой 1956 года в Кортина д'Ампеццо собрались любители не природы, а спорта: альпийские склоны стали ареной борьбы лучших лыжников, скороходов, хоккеистов.

На VII зимних Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо блестяще дебютировали наши спортсмены. Много раз звучал над вершинами гор Гимн Советского Союза. Золотые медали увезли на родину лыжники Любовь Баранова, Федор Терентьев, Павел Колчин, Николай Аникин, Владимир Кузин. Две золотые медали завоевал скоро-

ход Евгений Гришин и по одной — его товарищи Борис Шилков и Юрий Михайлов. Сборная команда СССР по хоккею стала олимпийским чемпионом.

Семь лет прошло с тех пор, но еще и сегодня мы с волнением вспоминаем дни, прожитые под сенью красных гор. И уже тогда в Кортина д'Ампеццо услышали мы о горной долине Скво-Вэлли, узнали, что следующие зимние Олимпийские игры будут проведены в горах Сьерра-Невада.

Почти сразу же после окончания соревнований в Италии, в Долине Индианок, закипело строительство. Воздвигался крытый стадион, искусственная ледяная дорожка, 80-метровый трамплин, горнолыжные трассы, олимпийский городок. И вот снова собираются в дорогу спортсмены и журналисты. На сей раз всем им предстоял путь неизмеримо более длинный — через порядочный кусок Европы, Атлантику и всю Северную Америку — от Нью-Йорка до маленького городка Рено, и от него в горы, все выше к подножию лесистых вершин Сьерра-Невады — К-22 и Скво-Пик.

Помню, как по дороге в Скво-Вэлли мы волновались, будет ли снег: в Лос-Анжелосе было 25 градусов выше нуля, да и в Рено снегом не пахло. Но чем выше поднимались в горы наши автобусы, тем снега становилось все больше, а в день открытия VIII Белой олимпиады разыгралась такая метель, что тысячи машин застряли в дороге.

Ну и местечко выбрал Международный олимпийский комитет для зимних игр! До 1960 года эти игры почти всегда устраивались на хорошо обжитых европейских курортах. Начало им было положено в 1924 году, когда первая Белая олимпиада состоялась на французском курорте Шамони. Затем последовал швейцарский Сен-Мориц, а после американского городка Лейк-Плэсид, на канадской границе, зимние Олимпийские игры многие годы проводились лишь на европейском снегу и льду. И вот вместо хорошо обжитых курортов перед нами дикая природа американского Запада: высокогорные долины, незамерзающие озера, ослепительное солнце и пушистые снега. Быстрая акклиматизация в этих условиях решала многое, а наши лыжники быстро освоиться в горах Сьерра-Невада не смогли. Злой калифорнийский грипп свалил Павла Колчина и Владимира Кузина, двух чемпионов VII Олимпийских игр, и в итоге у нас оказалось всего лишь две бронзовые медали за эстафету 4 × 10 километров и за гонку на 30 километров.

Правда, неудачу в мужском лыжном спорте великолепно компенсировали советские лыжницы: после гонки на 10 километров на трибуну почета поднялись М. Гусакова, Л. Баранова и Р. Ерошина. В эстафете 3 × 5 километров советские гонщицы заняли второе место. Но, увы, в хоккей, как известно, женщины не играют, и поэтому всего лишь третье призовое место здесь, где мы завоевали первенство в Кортина д'Ампеццо, никто ничем не мог компенсировать.

Да, лыжники и хоккеисты доставили нам в Скво-Вэлли немало огорчений, зато конькобежцы блестяще удержались на своем высоком уровне. Евгений Гришин так же, как и в Италии, завоевал две золотых медали на дистанции 500 и 1 500 метров. В беге на 5 000 метров первое место занял Виктор Косичкин, и он же на дистанции 10 000 метров получил серебряную медаль. Еще лучшие результаты показали советские скороходки. К. Гусева в беге на 1 000 метров и Л. Скобликова на дистанции 1 500 и 3 000 метров стали чемпионками VIII Белой олимпиады.

Еще задолго до того, как была исчерпана программа этой олимпиады, задолго до того, как потух олимпийский огонь и в последний раз прозвучали трубы герольдов, услышали мы в Долине Индианок название австрийского городка Иннсбрук. Рядом с пресс-центром в Скво-Вэлли был построен павильон, в котором можно было познакомиться с макетами спортивных сооружений IX Олимпийских игр. Хозяева этого павильона — австрийцы вручили нам даже значки олимпиады, которая должна была состояться спустя четыре года. Так в лацканы наших пиджаков были вколоты сразу две олимпийские эмблемы: причудливое соединение трех разноцветных треугольников — значок Скво-Вэлли и две золотые лыжи с красно-белым щитом и пятью переплетенными кольцами — значок Иннсбрука...

И вот теперь до стартов в Австрийских Альпах остается всего лишь месяц. 29 января 1964 года олимпийский огонь вспыхнет у подножия горных великанов.

За эти четыре года в окрестностях Иннсбрука построен образцовый олимпийский центр. На лыжне в Зеефельде, на горнолыжных трассах, на зимнем стадионе «Тиволи», вмещающем десять тысяч человек, в зале «Мессехале» и на двух отличных трамплинах будут соревноваться участники IX Олимпийских игр. А отдыхать они будут в нескольких одиннадцатиэтажных зданиях. Так теперь выглядит современная олимпийская деревня.

Что ждет нас в Иннсбруке? Какова расстановка сил перед началом борьбы на льду и на снегу? Олимпийский огонь, вспыхнувший в Скво-Вэлли, был доставлен в Америку на реактивном самолете из норвежской деревушки Мюргедаль, где свыше ста лет тому назад жил основатель лыжного спорта Сандре Нордхейм. Любовь скандинавов к зимнему спорту освещает всю историю Белых олимпиад. Не случайно героями первых Олимпийских игр стали норвежские лыжники и финские конькобежцы, и с тех пор исход борьбы, с небольшими отклонениями, повторялся на каждых последующих олимпиадах. Иногда большее число медалей доставалось шведам, иногда верх брали норвежцы или финны. Только канадцы почти всегда добивались победы в хоккейных турнирах, да американским скороходам всего лишь раз удалось завоевать все четыре золотые медали у себя на родине в Лейк-Плэсиде. Но уже на IV Олимпийских играх в Гармиш-Партенкирхене скандинавы восстановили традиционную гегемонию в конькобежном спорте, а в лыжном они ее и не теряли вплоть до VII Олимпиады. Лыжные гонщики трех северных стран неизменно поднимались на трибуны почета, и только в Кортина д'Ампеццо советские лыжники вклинились в ряды призеров.

Надо сказать, что позиции скандинавских лыжников прочны не только в гонках, но также и в прыжках с трамплина и в северном двоеборье (гонки и прыжки с трамплина). Лишь в горнолыжных видах — слаломе и скоростном спуске — они уступают спортсменам из альпийских стран: французам, итальянцам, австрийцам, швейцарцам, а также американцам. Наши горнолыжники, увы, пока не блещут мастерством на трудных альпийских трассах, но продолжают упорно учиться.

Фигурное катание — это американский козырь. Мы на двух предыдущих Олимпийских играх вообще не выставляли участников в этом прекрасном виде спорта, но теперь добились ощутимых успехов: в парном катании советские спортсмены Л. Белоусова и О. Протопопов завоевали серебряные медали на чемпионатах мира и Европы; они составят серьезную конкуренцию американским, канадским и австрийским фигуристам в Иннсбруке.

Хоккей, как мы уже говорили, до сих пор являлся козырем канадцев — из восьми олимпийских турниров канадцы выиграли пять, причем они всегда выступали в отличие от европейских хоккеистов не сборными, а клубными командами. Но сейчас, учитывая, видимо, свои неудачи на двух последних чемпионатах мира (в 1962 году золотые медали завоевали шведы, а в нынешнем — советские хоккеисты), канадцы посылают в Иннсбрук сборную команду. Чемпионы мира — советские хоккеисты находятся в отличной форме и будут с полным напряжением сил бороться за золотые олимпийские медали.

Впрочем, с полным напряжением всех сил готовятся к Иннсбруку не только наши хоккеисты, но и лыжники и скороходы. Уже с лета начали тренироваться замечательные конькобежцы Евгений Гришин, Виктор Косичкин, Борис Стенин, Эдуард Матусевич, Лидия Скобликова, Инга Воронина и многие другие. Передают свой опыт лыжной молодежи неоднократные чемпионы, ставшие тренерами, Николай Аникин и Владимир Кузин, Павел Колчин — участник двух предыдущих Белых олимпиад готовится снова взять старт в Иннсбруке, и по-прежнему советские гонщицы являются сильнейшими в мире.

Еще летом прошлого года была разослана программа IX Белой олимпиады в Иннсбруке. Вот она перед нами: 29 января, в среду, состоится открытие Олимпийских игр, а в четверг борьба уже достигнет полного накала на лыжне и на ледяной дорожке и будет продолжаться без передышки вплоть до 9 февраля.

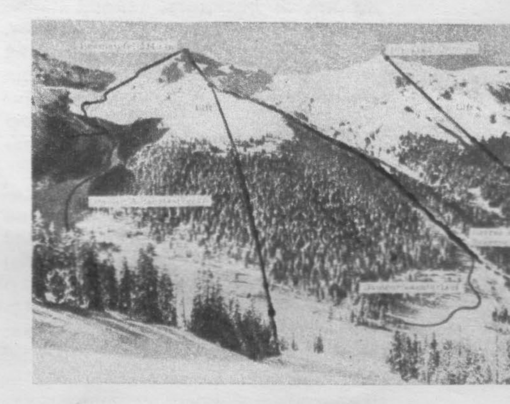
Иннсбрук готов к приезду гостей, опробованы все его спортивные сооружения, открыты отели, и сейчас членов Международного олимпийского комитета занимает вопрос о том, где состоятся следующие Олимпийские игры. Пока три страны готовы в 1968 году принять спортсменов: Франция, Япония и США. Через месяц мы узнаем имена не только первых победителей IX зимней Олимпиады, но и место, где через четыре года вспыхнет огонь X Олимпиады.

Открытие VII Белой олимпиады в Кортина д'Ампеццо. Перед советскими туристами проходят спортсмены СССР.

Чемпионки VIII Белой олимпиады в лыжной гонке на 10 километров (слева направо): Л. Баранова, М. Гусакова, Р. Ерошина. Медали вручает президент Международного олимпийского комитета Э. Брендедж.

По этим горным склонам Австрийских Альп пройдут трассы горнолыжных соревнований IX Белой олимпиады в Иннсбруке.

Девушка с косой

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рассказ

Метро «Сокольники» — «Университет». 14.00. Рабочий день еще не кончился, поэтому на перронах спокойно. Пассажиры входят в вагоны и выходят с чувством собственного достоинства, чего нельзя сказать про часы «пик», когда даже самые почтенные пассажиры уподобляются пробке, вылетающей из бутылки. И все только потому, что кто-то стремится изо всех сил занять место. Хоть на пятнадцать минут, хоть на пять, но непременно чтобы посидеть. (Если читатель с неудовольствием подумает, что это опять рассказ о том, как молодой и цветущий не уступил место пожилой и увядшей женщине с тяжелой сумкой, то автор спешит предупредить, что это совсем о другом.)

В вагоне было просторно, в середине сидели человек десять, не больше, половина из них читала газеты. Я бы тоже читала, если бы не забыла захватить газету. За полчаса можно прочесть много. Вот и сэкономишь время, то самое, что нельзя ни купить, ни взять в долг. Кроме того, сидеть и глядеть в одну точку не особенно приятно, а сидеть и пристально разглядывать пассажиров — это не слишком приятно пассажирам.

И все-таки те, кто не читает, всегда разглядывают друг друга, только исподтишка.

Как раз напротив меня сидят две со вкусом одетые девушки. Обе изящны, высокохудожественно подкрашены. Девушки, каких много.

Рядом солидная женщина — педагог, врач или библиотекарь. Таких обычно выбирают в месткомы, в товарищеские суды — и не прогадывают. Такие не обманывают общественное доверие. Это, безусловно, хорошие женщины, передовые во всем, только почему-то немножко консервативные в смысле внешности: они одеваются строго по моде, но по моде десятилетней давности. Они укоротят юбки через десять лет, когда в моду войдут длинные. Из косметики они употребляют только губную помаду красного цвета, категорически отвергают светло-розовую и, хоть убейте их, ни за что не станут подводить глаза тушью. Подкрашенные губы они считают явлением нормальным, подкрашенные веки — безнравственным. Но поговорите с ними о чем-нибудь другом — они начитанные, приятные собеседницы.

Поодаль два студента, а может быть, два инженера — молодые львы (некоторые говорят — орлы). Спокойствие, масса благородства, невозмутимость. Даже в часы «пик» такие входят в вагон последними; значит, невозмутимость стала уже чертой характера, с чем их и можно поздравить.

А воспитывали их, возможно, так же, как воспитывает своих эта мама, что сидит у двери. Ее толстый сынишка лет трех дергает за тонкую косичку сестру лет шести, а мама говорит: «Сядь, Валерик, а то кто-нибудь займет твое местечко!» Он кладет ногу на диван, чтобы никто не занял место, и продолжает обижать молчаливую девочку. Со временем он поймет, что девочкам не нравится, когда их обижают. Но пока мама ему этого не объясняет: ей некогда, она роется в сумке, достает детям по яблоку, считает деньги в кошельке, проверяет покупки, мало ли дел у семейного человека!

Наискосок — веселый, насмешливый дед с военной выправкой. Он щурится на изящных девушек и на львов-мальчиков. Ему смешно смотреть на тех, кто читает: как будто нет другого места для чтения!

Эти пассажиры — мои ближайшие соседи. А сейчас будет остановка «Кропоткинская», и еще войдет кто-нибудь...

В вагон входит девушка. Нет, тут как раз к месту вспомнить гениальные слова поэта и сказать, что в вагон вошел «гений чистой красоты»!

Описывать мне ее или нет? Или лучше рассказать, что произошло с пассажирами? Изящные девушки взглянули, потом взглянули еще раз и не сделали холодно-равнодушные лица, как обычно делают в наказание тем, кто не нравится, или тем, кому не нравитесь вы. Не говоря ни слова, они поняли друг дружку и так же, не говоря ни слова, честно признали: «В ней все гармония, все диво». Они обе и сами неплохи и одеты, безусловно, лучше, но если самокритично, то в них не все диво. Над этим, кажется, стоит подумать...

Солидная женщина, врач-педагог-библиотекарь, тоже заметила девушку, сосредоточилась и немедленно провела ассоциацию. Наташа Ростова? Нет. Таня Ларина? Нет... Ага, вспомнила! И удовлетворенно улыбнулась, радуясь и тому, что у нее перед глазами, и тому, что она так хорошо знает классическую литературу.

Но самое интересное произошло со львами. Один из них сразу почувствовал себя раненным навылет. Другого тоже задело рикошетом, но он еще держался и, не отрывая глаз от юной, чистой красоты, наклонился к другу-льву и попробовал прошептать: «Вот это да!» Но раненый лев только поднял лапу и произнес: «Т-ш-ш-ш!» Это значило, что при всей своей невозмутимости и картинном спокойствии он не может оправиться от удара и не может найти подходящих слов.

В это время дверь раскрылась, и девушка вышла из вагона. И тут раненый лев вскочил и ринулся к двери. Но новые пассажиры вошли в вагон, и лев не успел выпрыгнуть. А дверь уже захлопнулась!

Новые пассажиры ничего не видели. А прежние переглянулись и тихонько засмеялись. Тогда раненый лев, не желая возвращаться на прежнее место, перешел к другой двери и прислонился лбом к темному стеклу, несмотря на белую надпись «Не прислоняться». Второй лев немедленно подошел к нему, чтобы выразить сочувствие и понимание.

Нас тоже объединило понимание, и захотелось поделиться вслух. Солидная женщина сказала:

— Помните у Чехова — «Красавицы»? Какой дивный рассказ! Вот и сейчас...

Кто же не помнит! Но там так много всего: и зной, и пыль, и томительно-скучная дорога, село в степи. И внезапное явление среди дорожной тоски, жары и мух — красавица Маша с обворожительными чертами прекраснейшего из лиц... А на маленькой станции — другая девушка, с мотыльковой красотой. А у нас тут все было обыкновенно: обыкновенное метро, ни тоски, ни мух, и пассажиры в обычных плащах. Вот только девушка...

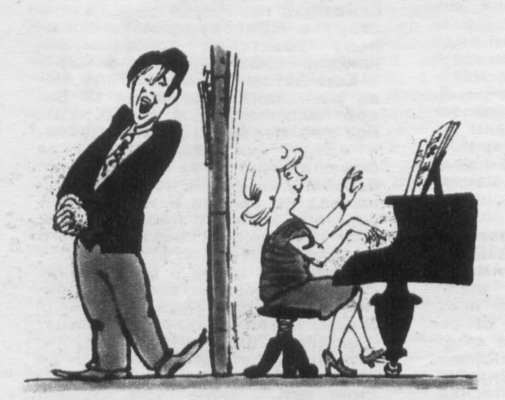
— Значит, красавицы не перевелись, есть порох в пороховницах,— сказал веселый дед, может быть, не затем, чтобы похвалить ту, которая вышла из вагона, а чтобы подтрунить над изящными девушками в прическах с попову шапку.

Они смолчали, чтобы показать, что они не только изящны, но еще и умеют держаться с достоинством и не собираются реагировать на колкости деда.

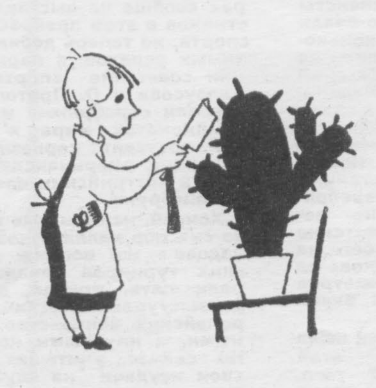
Но, оказывается, и мама была не полностью поглощена своим агрессивным сыном. Она тоже заметила девушку и теперь прониклась внезапной нежностью к обиженной дочке.

— Если будешь пить рыбий жир, у тебя тоже вырастет длинная коса, как у той девушки.

Да, я совсем забыла сказать, что рядом с мамой сидела нервная маленькая женщина. Она тоже пожелала высказаться и сделала это в тоне квалифицированной спорщицы.

Начало знакомства в новом доме.
Рисунок Ю. Узбякова.

Ученица парикмахера на практике...
Рисунок А. Грунина.

Без слов.
Рисунок В. Черникова.

— Вот видишь, а ты не хотел брать меня на Кавказ.
Рисунок А. Сухова.

— Да, девушка хороша, я бы не отказалась от такой невестки, а уж я разборчива, потому что мой сын — кандидат наук. Но я против кос! С ними столько возни, стрижка гораздо лучше!

Никто с ней не стал спорить из вежливости или из чувства самосохранения: спорить с неуравновешенными людьми значит портить себе нервы. Кстати, она вышла на следующей остановке. Тогда я решилась блеснуть своими познаниями.

— Косы сейчас входят в моду, как многое очень русское: косынки, папахи, сарафаны, сапоги... (Я об этом уже писала не раз и потому говорила авторитетно.) Наших художников-модельеров часто незаслуженно упрекают в слепом копировании западных мод. А они терпеливо и талантливо прививают моде национальные черты...

Я уже готовилась к своей остановке, когда насмешливый дед повторил:

— Значит, красавицы не перевелись. А вот Чехова больше нету.

Я не могла воспринять это как личный выпад: откуда он мог знать о моей причастности к литературе! И потом, ради справедливости, надо было с ним согласиться: да, Чехова Антона Павловича нет. Но каждый, кто пишет, пусть в меру своих сил и умения пишет о красоте. Где бы ни увидел ее, пусть пишет и рассказывает всем.

В этот же день я рассказала о девушке с косой художественному руководителю Дома моделей, с которым встретилась на совещании в журнале мод. Он посмотрел негодующими глазами и сказал:

— Эх, вы! Неужели вы не знаете, что у меня по понедельникам бывает просмотр девушек на должность манекенщиц? Если она такая, как вы говорите, то это же моя давняя мечта... Нет, у нас хорошие, красивые манекенщицы, но эта мягкая, русская красота, естественность, чистота юности... Неужели вы не могли взять ее за руку и привести к нам?

Я сказала, что даже лев упустил ее и теперь, может быть, всю жизнь будет носить в сердце утраченный идеал.

Знакомый телевизионный деятель тоже с горечью упрекнул меня:

— Эх, вы!

Оказывается, и ему тоже нужна была, как воздух, девушка с косой.

Потом выяснилось, что такой девушке самое место в магазине. Одна заведующая высказалась так:

— Скромная красота продавщицы — украшение торговли.

Двое художников заявили, что никогда мне не простят: они ищут именно такую натурщицу и погибают в поисках. Сосед по дому, летчик, недвусмысленно выразил свое неудовольствие: как это я не подумала о том, что им постоянно требуются исключительно красивые стюардессы! Скромные, умеющие держаться с достоинством, в общем, как раз такие, как эта девушка с косой. А редакционный холостяк средних лет, выслушав мой рассказ, спросил:

— В котором часу все это произошло и по какому маршруту метро?

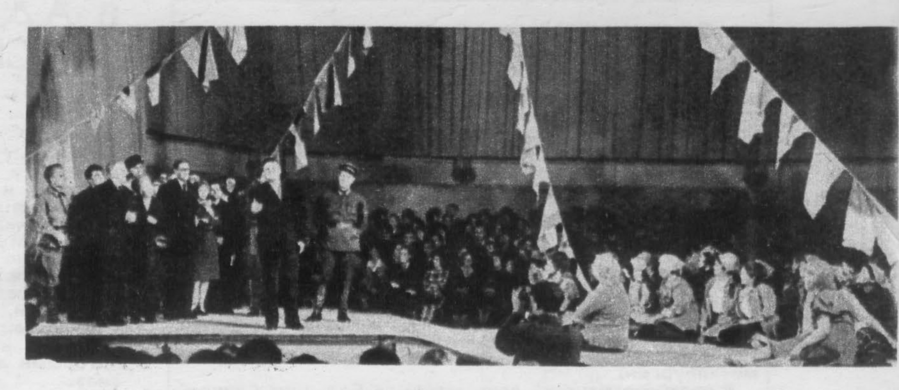
До смешного бесполезный вопрос. Может быть, девушка уже давно вернулась к себе в Ленинград или к себе в Красноярск. И там ею тоже любуются или привыкли и спокойно живут рядом с человеком, в котором «все гармония, все диво».

У Антона Павловича одна красавица осталась в далеком селе, другая — на маленькой станции. И тогда всем окружающим было грустно от встречи с затерянной в глуши красотой и «было безотчетно жаль и красавицы, и себя... и всех пассажиров, которые вяло и нехотя брели к своим вагонам».

Теперь же, вот видите, никто не хочет тихо погрустить и вяло идти к своему вагону. Все бурно выражают негодование. И всем нужна красота, необходима! И как только они все до сих пор обходились, непонятно! А кто сказал, что они обходились? Куда ни посмотришь, каждый старается быть красивым по мере возможности. И действительно, кругом много красивых. Стройные фигуры, лица, светящиеся мыслью. Но иногда штамп ложится на лицо чем-то вроде маски. Штамповка незаменима в производстве, но только не для человеческих лиц. Нет, красота стала насущной потребностью, совсем по Чехову, если вспомним «Дядю Ваню».

Простите, я увлеклась любимым Чеховым и, кажется, не описала внешность девушки с косой. Но я сейчас уже не могу вспомнить, какого цвета были у нее глаза и какие руки. В конце концов каждый может вообразить ее так, как ему приятно. Только непременно красивой. Это большая радость — думать о красоте. Искать ее везде, находить и показывать людям: посмотрите, какая красота!

А эту девушку с косой я, может быть, еще встречу завтра. И, если встречу, обязательно передам ей все пожелания и приглашения.

1000-й спектакль «Аристократы». В центре Костя-капитан — П. Аржанов.

Фото А. Гостева.

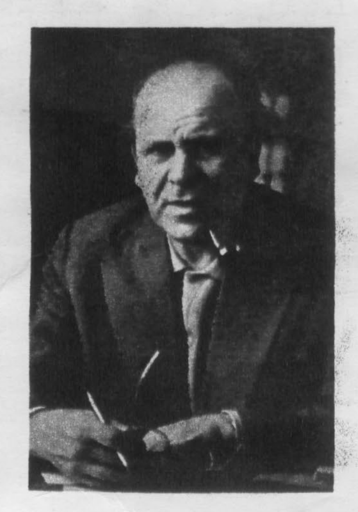
1000-й спектакль

Почти 30 лет назад — в 1934 году — молодой Реалистический театр показал пьесу Николая Погодина «Аристократы». Ставил спектакль художественный руководитель театра Николай Охлопков.

И вот 1000-й спектакль. В нем, как в 30-х годах, как и на премьере, волнуется зритель за судьбу Кости-капитана, как и на премьере, его молодо и темпераментно играет Петр Аржанов, участвуют и другие исполнители первого спектакля: П. Гуров — инженер Боткин, С. Князев — Лимон, С. Прусаков — Берет.

Кроме «Аристократов», в Театре имени Маяковского с большим успехом идут пьесы Погодина «Сонет Петрарки», «Маленькая студентка», «Голубая рапсодия».

Л. Лагину 60 лет

Л. Лагин.

Четверть века тому назад был написан «Старик Хоттабыч». Те, кто читал эту веселую, жизнерадостную книгу в год ее выхода, сами выросли, обзавелись детьми, но обаяние «Хоттабыча» не померкло в их памяти. Эстафета любви к этой книжке передается из поколения в поколение.

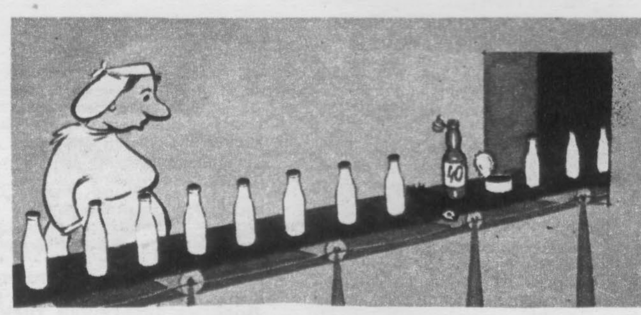
Счастливая судьба «Старика Хоттабыча» — первой книги писателя Л. Лагина — окрылила автора. Комсомольский и партийный работник, журналист вошел в литературу уверенной, твердой поступью. Его романы «Патент АВ», «Остров разочарования», «America proxima», повесть-памфлет «Белокурая бестия» получили заслуженное признание читателей.

Л. Лагину исполнилось 60 лет. Он, конечно, значительно моложе своего Хоттабыча, но, как Хоттабыч, бодр духом, любит жизнь. Быть всегда молодым — отличное качество человека!

Н. КРУЖКОВ

Без слов. Рисунок А. Грунина.

— Что случилось с мастером? Рисунок В. Воеводина.

Заботливый сынок. Рисунок М. Вайсборда.

ЗА БОЛЬШИМ САЯНОМ

(На последней странице обложки)

На спидометре путешествия километры перевалили уже за первую тысячу — заснеженные петляющие дороги Саян и каменистые сухие плоскогорья, голубые, льдистые стекляшки озер, затерянные в щетине тайги, и лысые хребты, проплывающие вровень с самолетом. Это Тува. Но Тува — и растущие рабочие поселки и шум техники на строительстве дорог, которые свяжут месторождения полезных ископаемых со стальной магистралью...

Первенец тувинской индустрии — Ак-Довуракский комбинат «Туваасбест». Вторым промышленным комплексом Тувы нужно назвать кобальтовый. В Туве найдены цинк, свинец, ртуть и другие цветные металлы. Разведаны превосходные коксующиеся угли, а по соседству — железная руда и флюсовые известняки — отличная база для развития черной металлургии.

В этом завтрашний день земли за Большим Саяном.

На снимках: растут корпуса кобальтового комбината.

Это кобальт и его спутники.

По озеру Ушпе-Холь.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Фото автора.

В АДРЕС МОСКВА ОГОНЕК

Не могу не откликнуться на рассказ в «Огоньке» № 47 «Далекая и близкая сказка». Ее автор — В. Астафьев.

На меня этот рассказ произвел большое впечатление своим содержанием, глубокими психологическими характеристиками Васи — поляка и мальчика.

Серьезно и доходчиво показана исключительная углубленность в музыку.

Очень понравился язык. Интересный, точный, своеобразный. Свой, а не трафаретный. Не шаблонный.

Я уралец, точнее, из Зауралья. Хорошо знаю и отлично понимаю каждое сибирское слово, выражение и понятие, которыми автор так умело и интересно наполнил свой рассказ.

Это придает повествованию свой колорит. И без всякого жаргона, без упрощения, без вульгаризации, без «областнического» уклона, без ущерба литературным достоинствам рассказа.

Уместны, необходимы и достаточно правильны (с точки зрения замысла автора) рисунки художника А. Лурье.

С приветом и наилучшими пожеланиями.

Маршал Советского Союза

Ф. ГОЛИКОВ

КАК ПАЛА КРЕПОСТЬ

Во Франции издана книга историка Жана Савана «Шпионы Наполеона». В ней автор, в частности, рассказывает, как Наполеон завладел Мальтой, которая с XVI века была резиденцией рыцарского ордена иоаннитов, известного под названием мальтийского.

Наполеон стремился захватить Мальту, чтобы владеть всем Средиземным морем и открыть дорогу к Египту. Оккупировав Италию, Наполеон, тогда еще генерал республики, получил поручение директории завоевать Мальту. Однако в Средиземном море находилась эскадра Нельсона, и времени осаждать крепость у Наполеона не было.

Мальту решили взять другим способом.

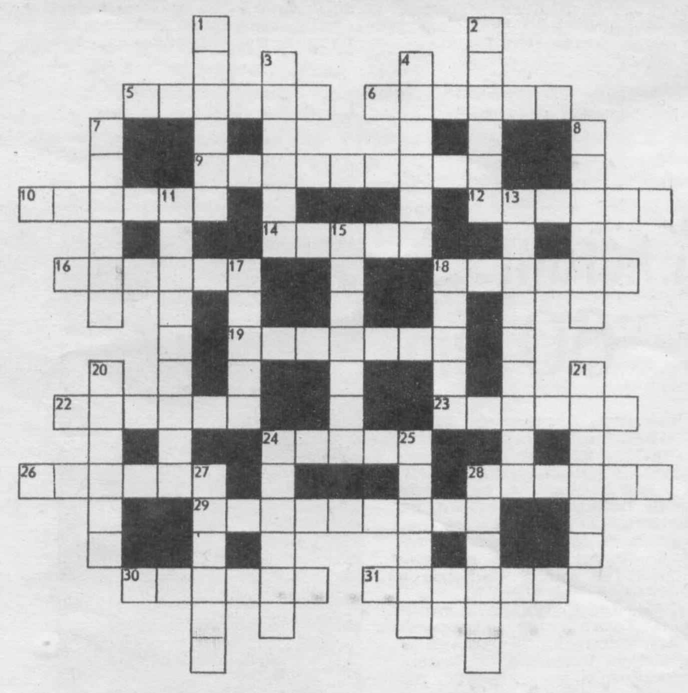
Авантюриста Пуссиельга, вертевшегося около Наполеона, снабдили большой суммой денег и отправили для переговоров с рыцарями, которые были высланы на остров из Франции после революции. Нищенствуя на Мальте, они охотно согласились помочь Наполеону, пообещавшему им не только деньги, но и возвращение на родину.

За приличную мзду магистр ордена согласился продать крепость. Чтобы скрыть эту махинацию, решили инсценировать «атаку». Как только несколько пушечных ядер упало на мальтийские скалы, на крепости взвился белый флаг. Иллюзия сражения была налицо, и репутация магистра осталась незапятнанной. Немедленно подписали заранее заготовленный договор. Опубликован, однако, он не был, ибо это разоблачило бы сделку. По договору, магистру дарилось на материке княжество. Кроме того, от имени Франции Наполеон обязался выплачивать магистру ежегодную пенсию в 300 тысяч франков и компенсировать «убытки» от повреждений, якобы причиненных осадой. В договоре имелся еще пункт о том, что все рыцари получают право беспрепятственного возвращения во Францию и право на пенсию «в соответствии с чином»...

Договор был ратифицирован сначала министром внешних сношений Талейраном, а затем директорией. Но даже законодательному собранию не сообщили подробностей этой истории.

В. СЕДОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский поэт. 6. Часть круга. 9. Работник издательства, типографии. 10. Сушеный абрикос. 12. Сочетание звуков различной высоты. 14. Автор романа «Последний из могикан». 16. Режиссер фильма «Баллада о солдате». 18. Внешнее очертание. 19. Музыкальная пьеса. 22. Ягода. 23. Город в Иркутской области. 24. Австрийский композитор. 26. Подставка для нот. 28. Прерывистый и длительный гул. 29. Помещение для чтения лекций, докладов. 30. Застывший кусок металла. 31. Футляр для стрел.

По вертикали:

1. Палка для игры в хоккей. 2. Рельефное изображение печатного знака. 3. Шерстяная ткань с ворсом. 4. Мера земельной площади. 7. Курорт на побережье Черного моря. 8. Модель земного шара. 11. Музыкант. 13. Певчая птица. 15. Мастер по шитью одежды. 17. Приток Сены. 18. Толстая веревка. 20. Китобойный снаряд. 21. Советский живописец-пейзажист. 24. Река в Северной Америке. 25. Русский механик XVIII века. 27. Единица измерения углов. 28. Растение с пестрыми цветками.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

3. Казахстан. 6. Валентность. 9. «Норма». 12. Каноэ. 14. Каракас. 16. Горн. 17. Дата. 18. Енот. 19. Соло. 20. Титр. 21. Тент. 22. Торонто. 25. Гирло. 27. Барий. 28. Радиокомпас. 29. «Огородник».

По вертикали:

1. Оксана. 2. Снеток. 4. «Звезда». 5. «Тройка». 7. Фототипия. 8. Гортензия. 10. Минерал. 11. Качалов. 13. Авдотка. 14. Клодт. 15. Слово. 23. «Огниво». 24. Турман. 26. Оратор. 27. Бианки.

На первой странице обложки: Зимний этюд. Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00504. Подписано к печати 11/XII 1963 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 930 000. Изд. № 1994. Заказ № 2983.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НОВОГОДНЕЕ ПЛАТЬЕ

Рис. Н. ГОЛИКОВОЙ.

1. Платье из шерстяного крепа, прямое, узкое, прилегающее, с односторонней небольшой драпировкой. Короткий жакетик из той же материи вышит блестками. Сзади он застегивается на пуговицы, спереди одна из вытачек заканчивается небольшим разрезом и бантом из блестящего шелка.

2. Это нарядное платье, которое можно сшить из капрона, кружева или тюля, девушка наденет на любой вечер танцев. Юбка расширенная (покрой — половина «солнца»). Оборки прямые или подкройные — собранные. Чехол из сатина-дубль.

3. Плиссированное платье из набивного крепдешина. Материю лучше взять не пеструю, а в одной тональности (золотистой, синей, зеленой). Пояс из блестящей ткани. Покрой прямой, лиф с напуском, воротник — «хомутик».

4. Костюм из бархата или шерстяного крепа. Жакет прямой, чуть приталенный, отделан узкой бейкой из блестящей ткани. Пожилым женщинам этот костюм лучше шить с длинным рукавом.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

